

СУДЕБНАЯ КОЛЛЕГИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ СПОРАМ

Практика применения законодательства о банкротстве

16. Нахождение организации - должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, к нему в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение) и процедуру наблюдения.

Решениями суда от 22 января 2016 г. и от 9 февраля 2016 г. по другим делам подтверждены требования общества к фирме, размер которых превысил 300 000 руб. Просрочка исполнения денежных обязательств фирмы перед обществом составила более трех месяцев.

С 10 марта 2016 г. фирма находится в процедуре добровольной ликвидации.

Общество 17 марта 2016 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании фирмы банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника.

Решением суда первой инстанции в удовлетворении заявления общества отказано.

Постановлением суда апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, фирма признана банкротом по упрощенной процедуре банкротства ликвидируемого должника, в отношении нее открыта процедура конкурсного производства, требования общества признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов, назначен конкурсный управляющий.

Постановлением арбитражного суда округа постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Сложившаяся судебная арбитражная практика исходит из того, что нахождение организации - должника в стадии ликвидации и работа ликвидационной комиссии не влекут за собой утрату кредитором права на обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом).

При этом согласно п. 1 ст. 53 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве) решение о признании должника - юридического лица банкротом и об открытии в отношении него конкурсного производства принимается судом в случае установления признаков банкротства, предусмотренных ст. 3 названного Закона, при отсутствии оснований для оставления заявления о признании должника банкротом без рассмотрения, введения финансового оздоровления, внешнего управления, утверждения мирового соглашения или прекращения производства по делу о банкротстве.

В ситуации, когда уполномоченным органом должника принято решение о его ликвидации, состоялось назначение ликвидационной комиссии, не предполагается дальнейшее осуществление ликвидируемой организацией хозяйственной деятельности. Поскольку воля участников (учредителей) такого юридического лица направлена на прекращение существования организации, к данной организации в силу п. 2 ст. 1 ГК РФ невозможно применить реабилитационные процедуры (финансовое оздоровление, внешнее управление, мировое соглашение), целью которых является сохранение юридического лица.

По этим же причинам к ликвидируемой организации не подлежала применению и процедура наблюдения. Данная процедура направлена, прежде всего, на проведение первого собрания кредиторов и выявление на этом собрании позиции гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, относительно возможности применения к должнику реабилитационной процедуры либо о необходимости введения конкурсного производства как ликвидационной процедуры (абзац тринадцатый ст. 2, ст. 73 и 74 Закона о банкротстве). Однако в отношении ликвидируемой организации точка зрения кредиторов по названному вопросу не имела правового значения. Так, независимо от мнения кредиторов, высказанного на

первом собрании, недопустимо обязывать участников корпорации, учредителей унитарных организаций осуществлять экономическую деятельность через юридическое лицо, о судьбе которого ими уже принято решение о ликвидации.

Определение N 305-ЭС17-4728

17. Иск залогодержателя к ликвидационной комиссии залогодателя по долгам третьего лица об обязанности обратиться в суд с заявлением о банкротстве залогодателя является надлежащим способом защиты гражданских прав.

Участниками общества принято решение о ликвидации этого юридического лица. Соответствующее сообщение опубликовано 11 ноября 2015 г.

Решением суда от 17 декабря 2015 г. в пользу банка обращено взыскание на недвижимое имущество общества, предоставленное последним в залог банку в обеспечение исполнения обязательств третьего лица.

Согласно промежуточному балансу общества от 18 апреля 2016 г. кредитная задолженность общества превышала его оборотные активы.

Банк обратился в арбитражный суд с иском о признании незаконным бездействия ликвидационной комиссии общества, выразившегося в неисполнении обязанности по обращению в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом, обязанности обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании общества банкротом.

Решением суда первой инстанции иск удовлетворен.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении иска отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

По смыслу п. 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 58 "О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя" залогодержатель не вправе возбуждать дело о банкротстве залогодателя, предоставившего обеспечение по долгу третьего лица. Предполагается, что в таком случае законный интерес залогодержателя на получение возмещения реализуется путем обращения взыскания на заложенное имущество, в частности путем продажи данного имущества с публичных торгов в рамках исполнительного производства с последующим направлением вырученных средств на погашение долга по основному обязательству (ст. 78 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве)).

Вместе с тем, в силу п. 6 ч. 1 ст. 47 Закона об исполнительном производстве в случае ликвидации организации-должника исполнительное производство подлежит окончанию, после чего судебный пристав-исполнитель направляет исполнительный документ ликвидационной комиссии (ликвидатору).

Наделение ликвидационной комиссии, с одной стороны, публичными функциями (п. 4 ст. 62 ГК РФ), а с другой, назначение ее членов участниками должника (п. 3 ст. 62 ГК РФ) при определенных обстоятельствах могут давать весомые основания сомневаться в добросовестности, независимости и беспристрастности членов ликвидационной комиссии при осуществлении названных функций.

Для залогового кредитора, не имеющего денежного требования, указанное означает, что судьба его требования и исполнение судебного акта находится в руках лиц, подконтрольных участникам должника, то есть по существу в воле самого должника, что не исключает со стороны последнего возможности немотивированно и произвольно бездействовать в течение длительного времени, не предпринимая мер по реализации заложенного имущества.

В рассматриваемом случае банком в качестве способа защиты его права избрано оспаривание действий (бездействия) ликвидационной комиссии с требованием обязать ее обратиться с заявлением о

признании общества банкротом в целях последующей реализации заложенного имущества под контролем суда по правилам ст. 138 Закона о банкротстве, предоставляющей залоговому кредитору специальные полномочия, в том числе по определению порядка и условий реализации имущества.

В настоящем деле банком доказано, что ликвидационная комиссия общества действовала (бездействовала) незаконно, в частности нарушив стандарты добросовестного и разумного поведения в интересах кредиторов.

Определение N 310-ЭС17-8699

18. Не подлежит включению в реестр требований кредиторов должника требование участника должника, основанное на притворной сделке, прикрывающей обязательства, вытекающие из факта участия заявителя в хозяйственном обществе, признанном банкротом.

Участник общества с долей в размере 50% уставного капитала в рамках дела о банкротстве общества обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов своих требований к обществу, одно из которых основано на договоре займа, а другое - на факте исполнения участником как поручителем обязательств общества.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление участника удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Действующее законодательство о банкротстве не содержит положений, согласно которым очередность удовлетворения требований аффилированных (связанных) кредиторов по гражданским обязательствам, не являющимся корпоративными, понижается.

Кроме того, тот факт, что займодавец является участником должника, сам по себе не свидетельствует о том, что требования по возврату суммы займа вытекают из факта такого участия для целей применения законодательства о банкротстве.

Вместе с тем в силу абзаца восьмого ст. 2 Закона о банкротстве к числу конкурсных кредиторов не могут быть отнесены участники, предъявляющие к должнику требования из обязательств, вытекающих из факта участия.

По смыслу названной нормы к подобного рода обязательствам относятся не только такие, существование которых прямо предусмотрено законодательством о юридических лицах (выплата дивидендов, действительной стоимости доли и т.д.), но также и обязательства, которые, хотя формально и имеют гражданско-правовую природу, в действительности таковыми не являются (в том числе по причине того, что их возникновение и существование было бы невозможно, если бы займодавец не участвовал в капитале должника).

В этой связи при оценке допустимости включения основанного на договоре займа требования участника следует определить природу соответствующих отношений, сложившихся между должником и займодавцем.

В частности, суд в силу п. 2 ст. 170 ГК РФ может установить притворность договора займа в ситуации, когда заем используется вместо механизма увеличения уставного капитала, позволяя на случай банкротства формально нарастить подконтрольную кредиторскую задолженность с целью последующего уменьшения в интересах должника и его аффилированных лиц количества голосов, приходящихся на долю независимых кредиторов. В таком случае к требованию участника общества как вытекающему из факта участия подлежит применению абзац восьмой ст. 2 Закона о банкротстве.

При предоставлении заинтересованным лицом доказательств, указывающих на то, что требование участника вытекает из факта его участия в обществе, признанном банкротом, на такого участника переходит бремя по опровержению соответствующего довода. В частности, судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы выбора конструкции займа,

привлечения займа именно от аффилированного лица, предоставления финансирования на нерыночных условиях и т.д.

При рассмотрении настоящего обособленного спора общество отмечало, что единственным источником предоставленных в заем средств являлись денежные средства самого общества, распределенные в качестве прибыли от хозяйственной деятельности, распределение прибыли в пользу участника и последующее предоставление обществу финансирования за счет этой прибыли свидетельствуют об искусственном обороте денежных средств и позволяют сделать вывод о злоупотреблении участником своими правами во вред остальным кредиторам и мнимости договора займа.

Однако ни один из указанных доводов общества в нарушение положений ст. 71, 168 и 170 АПК РФ не получил правовой оценки со стороны судов.

Аналогичный подход применяется к суброгационным требованиям, основанным на договоре поручительства.

Определение N 308-ЭС17-1556(2)

19. Для целей квалификации требования об оплате услуг в качестве реестрового или текущего правовое значение имеет момент оказания услуг, несмотря на то, что срок исполнения обязанности по их оплате может быть перенесен по соглашению сторон на более поздний период.

Ссылаясь на то, что общество не оплатило оказанные в октябре 2015 г. услуги по договору, фирма обратилась в арбитражный суд с иском об их оплате.

Решением суда первой инстанции иски удовлетворены частично, в остальной части иск оставлен без рассмотрения. Суд исходил из того, что определением суда по другому делу от 19 октября 2015 г. принято к производству заявление о признании общества несостоятельным, следовательно, возможно удовлетворение только текущих требований, которые возникли после возбуждения дела о банкротстве.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции изменено, иски удовлетворены полностью. Суды отметили, что счета-фактуры по всем оказанным услугам были получены фирмой после 19 октября 2015 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Для определения того, является ли денежное требование текущим, необходимо установить дату его возникновения и соотнести указанную дату с моментом возбуждения дела о банкротстве. Текущим является то требование, которое возникло после названного момента.

Срок исполнения денежного обязательства не всегда совпадает с датой возникновения самого обязательства. Требование существует независимо от того, наступил ли срок его исполнения либо нет.

Для целей определения момента возникновения обязанности по оплате услуг по смыслу п. 1 ст. 779 ГК РФ, ст. 5 Закона о банкротстве и п. 2 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. N 63 "О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве" значение имеет дата оказания этих услуг, несмотря на то, что исполнение данной обязанности может по согласованию сторон быть перенесено на более поздний период (например, путем привязки к подписанию акта, выставлению счета-фактуры, посредством предоставления отсрочки либо рассрочки исполнения).

Следовательно, в рассматриваемом деле для квалификации требований в качестве текущих необходимо было определить, в какую дату общество оказало фирме услуги.

Определение N 303-ЭС17-2748

20. Если конкурсный кредитор обосновал существенные сомнения, подтверждающие наличие

признаков мнимости у сделки, совершенной должником и другим конкурсным кредитором, на последних возлагается бремя доказывания действительности сделки.

Решением суда по другому делу фирма признана банкротом, в отношении нее открыто конкурсное производство.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, удовлетворен иск общества к фирме о взыскании задолженности по оплате услуг за хранение и неустойки. Суды руководствовались ст. 309, 310, 330, 886, 890, 896, 900 - 902 ГК РФ. Суды исходили также из признания фирмой исковых требований.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение, поскольку суды не исследовали доказательства и доводы другого конкурсного кредитора фирмы о том, что договор хранения является мнимой сделкой, направленной на создание фиктивной задолженности фирмы перед обществом.

Выводы судебных актов по существу рассмотренного спора должны основываться на анализе доказательств, представленных сторонами, и содержать, помимо прочего, мотивы, по которым отвергнуты доказательства, а также отклонены доводы лиц, участвующих в деле (п. 4 ст. 15, ст. 71, пп. 2, 4 ст. 169, п. 2 ст. 271, п. 2 ст. 289 АПК РФ).

Как правило, для установления обстоятельств, подтверждающих позицию истца или ответчика, достаточно совокупности доказательств (документов), обычной для хозяйственных операций, лежащих в основе спора. Однако в условиях банкротства ответчика и конкуренции его кредиторов интересы должника-банкрота и аффилированного с ним кредитора (далее также - "дружественный" кредитор) в судебном споре могут совпадать в ущерб интересам прочих кредиторов. Для создания видимости долга в суд могут быть представлены внешне безупречные доказательства исполнения по существу фиктивной сделки. Скрытие действительного смысла сделки находится в интересах обеих ее сторон. Реальной целью сторон сделки может быть, например, искусственное создание задолженности должника-банкрота для последующего распределения конкурсной массы в пользу "дружественного" кредитора.

Стороны мнимой сделки могут осуществить для вида ее формальное исполнение (п. 86 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. N 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации").

Для предотвращения необоснованных требований к должнику и, как следствие, нарушений прав его кредиторов к доказыванию обстоятельств, связанных с возникновением задолженности должника - банкрота, предъявляются повышенные требования (п. 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22 июня 2012 г. N 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", п. 13 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г.). Это правило применяется для требований по текущим обязательствам.

Следовательно, во избежание нарушения прав кредиторов фирмы все обстоятельства сделок с ней как с банкротом подлежали судебному исследованию, тем более что на пороки договоров (в том числе на мнимость хранения) указывал как ответчик, так и конкурирующий кредитор.

Таким образом, проверяя заявление о дефектах сделки, судам следовало установить, имелось ли у фирмы имущество, указанное в договорах хранения, и мог ли ответчик его передать истцу. Подлежат проверке доводы о наличии у общества возможности исполнять обязательства с учетом особенностей предмета хранения, а также об аффилированности общества и фирмы.

Установление наличия внутригрупповых отношений между сторонами сделки и, как следствие, общности хозяйственных интересов участников спорных отношений, о котором заявлял конкурирующий кредитор, позволит дать надлежащую оценку добросовестности действий фирмы и общества.

Следует учесть, что конкурирующий кредитор не является стороной сделки, в силу чего объективно ограничен в возможности доказывания необоснованности требования другого кредитора. Поэтому

предъявление к конкурирующему кредитору высокого стандарта доказывания привело бы к неравенству таких кредиторов. В данном случае достаточно подтвердить существенность сомнений в наличии долга. Напротив, стороны сделки не лишены возможности представить в суд как прямые, так и косвенные доказательства, опровергающие сомнения в реальности ее исполнения. Таким образом, при наличии убедительных доводов и доказательств невозможности хранения бремя доказывания обратного возлагается в данном споре на истца и ответчика.

Определение N 301-ЭС17-4784

21. По смыслу п. 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве для взыскания с арбитражного управляющего в порядке регресса суммы произведенной страховщиком выплаты необходимо установить умышленный характер действий управляющего, повлекших причинение убытков, направленность этих действий на извлечение им собственной выгоды.

Определением суда первой инстанции, вынесенным в рамках дела о банкротстве общества, внешний управляющий отстранен от исполнения своих обязанностей.

Впоследствии вступившим в законную силу решением суда первой инстанции с арбитражного управляющего в пользу общества взысканы убытки, в том числе безосновательно полученное арбитражным управляющим вознаграждение и непроизводственные потери, образовавшиеся вследствие ненадлежащего исполнения обязанностей внешнего управляющего.

Страховое общество, в котором была застрахована ответственность арбитражного управляющего, констатировав наступление страхового случая, возместило убытки обществу в полном размере.

Сославшись на то, что убытки причинены обществу в результате противоправных действий (бездействия) арбитражного управляющего, страховое общество обратилось в арбитражный суд с иском о взыскании с управляющего выплаченного страхового возмещения в порядке регресса.

Решением суда первой инстанции иски требования удовлетворены.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении исковых требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа в части отказа во взыскании суммы безосновательно полученного вознаграждения по следующим основаниям.

Пунктом 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве предусмотрены случаи, при наличии которых подлежит удовлетворению регрессное требование страховщика к причинившему убытки арбитражному управляющему.

Само по себе нарушение арбитражным управляющим, являющимся профессиональным участником отношений, связанных с банкротством, обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах должника и кредиторов (п. 4 ст. 20.3 Закона о банкротстве) не свидетельствует о наличии в его действиях вины в форме умысла.

Один лишь факт нарушения управляющим положений законодательства о банкротстве не являлся достаточным основанием для удовлетворения регрессного требования страхового общества. Нарушение названного стандарта поведения может быть проявлением грубой неосторожности. При рассмотрении спора о взыскании убытков с арбитражного управляющего в пользу общества форма вины управляющего не устанавливалась как не имеющая правового значения для правильного разрешения вопроса о привлечении управляющего к ответственности в виде возмещения убытков.

Бремя доказывания умысла в действиях страхователя лежит на страховщике (ст. 65 АПК РФ).

Обстоятельства, указывающие на наличие умысла в действиях (бездействии) арбитражного управляющего, приведших к образованию на стороне должника непроизводственных потерь, страховым обществом не доказаны. Арбитражный управляющий был отстранен за нарушения, не связанные с

образованием непроизводственных потерь.

Вместе с тем согласно вступившему в законную силу решению арбитражного суда по другому делу часть убытков на стороне общества образовалась вследствие выплаты данной суммы из конкурсной массы самому арбитражному управляющему в качестве вознаграждения, которое ему не причиталось ввиду ненадлежащего исполнения возложенных на управляющего обязанностей.

Незаконно полученная страхователем за счет должника денежная выгода, возмещенная должнику страховщиком, в силу прямого указания п. 9 ст. 24.1 Закона о банкротстве подлежала взысканию в порядке регресса.

Определение N 310-ЭС17-4393

22. В ситуации, когда в обеспечение исполнения обязательств по кредитному договору заключен договор ипотеки права аренды земельного участка, на котором возводится недвижимость, при банкротстве залогодателя суд вправе признать требования банка обеспеченными залогом незавершенного строительством объекта.

В рамках дела о банкротстве должника требования банка включены в третью очередь реестра кредиторов как обеспеченные залогом имущества должника, в том числе права аренды земельного участка.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о признании за ним статуса залогового кредитора в отношении вновь возведенного объекта на земельном участке - объекта незавершенного строительства и внесении соответствующих изменений в реестр требований кредиторов.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, требования банка удовлетворены.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Законодательство о залоге недвижимости различает два правовых режима распространения ипотеки на строения, находящиеся на заложенном земельном участке, в зависимости от момента возведения таких строений - до или после передачи участка в залог (ст. 64 и 65 Федерального закона от 16 июля 1998 г. N 102-ФЗ "Об ипотеке (залоге недвижимости)"; далее - Закон об ипотеке).

По смыслу п. 5 ст. 5 Закона об ипотеке соответствующие последствия предусмотрены не только для ситуаций, когда залогодателем является собственник участка, но и в случаях, когда ему принадлежит право аренды участка.

Если иное не предусмотрено договором ипотеки, такой арендатор-залогодатель вправе без согласия залогодержателя возводить на арендованном участке строения (здания, сооружения), которые также в силу законодательного предписания попадают в залог (п. 1 ст. 65 Закона об ипотеке).

Согласно п. 1 ст. 5 названного закона ипотека может быть установлена только в отношении недвижимого имущества (ст. 130 ГК РФ), права на которое зарегистрированы в установленном законом порядке.

В рассматриваемом случае на момент обращения с заявлением о признании установленных требований обеспеченными залогом объекта незавершенного строительства права на него зарегистрированы не были, то есть формально он не был введен в оборот как объект недвижимого имущества (возведен после заключения договора ипотеки).

Вместе с тем, во избежание негативных последствий пропуска срока на предъявление кредиторами требований (абзац третий п. 1 ст. 142 Закона о банкротстве) и реализации статуса залогового кредитора (п. 4 ст. 138 Закона о банкротстве), суд вправе признать требования кредитора обеспеченными залогом на

незарегистрированный объект, в отношении которого представлены достаточные доказательства соответствия его признакам объекта недвижимого имущества (без учета регистрации), применив предусмотренный ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" порядок, регулирующий схожие правоотношения, согласно которому застройщик обязан зарегистрировать право собственности на объект незавершенного строительства при возникновении оснований для обращения взыскания на предмет залога. При уклонении застройщика от государственной регистрации права собственности на объект незавершенного строительства государственная регистрация права собственности на такой объект осуществляется на основании решения суда, принятого по иску участника долевого строительства об обращении взыскания на предмет залога.

Определение N 306-ЭС17-3016(2)

Разрешение споров, возникающих в связи с защитой права собственности и других вещных прав

23. Отказ уполномоченного органа в предоставлении в собственность субъекту малого и среднего предпринимательства недвижимого имущества на основании ст. 3 Федерального закона от 22 июля 2008 г. N 159-ФЗ "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" является правомерным, если на момент принятия данного решения договор аренды прекращен и в действиях арендодателя отсутствуют признаки злоупотребления правом.

Уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (арендодатель; далее - департамент) и общество (арендатор) заключили договор аренды нежилых помещений сроком до 30 июня 2015 г.

Департамент 22 июля 2015 г. провел осмотр арендуемых обществом помещений, в ходе которого установил нарушение предусмотренного договорами аренды целевого назначения перечисленных помещений, фактически используемых для размещения караоке-клуба.

Департамент 29 июля 2015 г. направил обществу уведомление об отказе от договоров аренды.

Общество 30 сентября 2015 г. обратилось в департамент с заявлениями о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества в соответствии с Федеральным законом от 22 июля 2008 г. N 159-ФЗ "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее - Закон N 159-ФЗ).

Уведомление об отказе от договора получено обществом 29 октября 2015 г.

Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Москве внесена запись в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним о прекращении действия перечисленных договоров аренды на основании уведомлений об отказе от договора.

Департамент 6 ноября 2015 г. сообщил обществу об отказе в предоставлении государственной услуги по выкупу арендуемого помещения в связи с прекращением действия договора аренды.

Общество обратилось в арбитражный суд с иском к департаменту об обязанности заключить договор купли-продажи помещений.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении исковых требований отказано. Суды пришли к выводу об отсутствии у общества преимущественного права выкупа, поскольку договор аренды прекратил действие в связи с отказом департамента.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Суд исходил из того, что договор аренды прекращен 29 октября 2015 г., а общество обратилось с заявлением о реализации преимущественного права 30 сентября 2015 г., то есть в период, когда договор еще действовал.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

Преимущественное право, предусмотренное ст. 3 Закона N 159-ФЗ, может быть реализовано при условии, что: 1) арендуемое имущество по состоянию на 1 июля 2015 г. находится во временном владении и (или) временном пользовании непрерывно в течение двух и более лет в соответствии с договором или договорами аренды такого имущества, за исключением случая, предусмотренного ч. 2.1 ст. 9 данного закона; 2) отсутствует задолженность по арендной плате за такое имущество, неустойкам (штрафам, пеням) на день заключения договора купли-продажи арендуемого имущества в соответствии с ч. 4 ст. 4 данного закона, а в случае, предусмотренном ч. 2 или ч. 2.1 ст. 9 этого закона, - на день подачи субъектом малого или среднего предпринимательства заявления о реализации преимущественного права на приобретение арендуемого имущества; 4) арендуемое имущество не включено в утвержденный в соответствии с ч. 4 ст. 18 Закона N 159-ФЗ перечень государственного имущества или муниципального имущества, предназначенного для передачи во владение и (или) в пользование субъектам малого и среднего предпринимательства, за исключением случая, предусмотренного ч. 2.1 ст. 9 указанного закона.

В абзацах шестом и седьмом п. 1 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2009 г. N 134 "О некоторых вопросах применения Федерального закона "Об особенностях отчуждения недвижимого имущества, находящегося в государственной собственности субъектов Российской Федерации или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" разъяснено следующее. При применении положений ст. 3 Закона N 159-ФЗ арбитражным судам следует иметь в виду, что субъект малого или среднего предпринимательства пользуется правом на приобретение только при условии, что он является арендатором по договору аренды недвижимого имущества (заключенному как с указанием срока аренды, так и на неопределенный срок), действующему на момент принятия соответствующим органом решения о приватизации данного имущества (в том числе и по договору аренды, действие которого возобновлено на неопределенный срок по правилам п. 2 ст. 621 ГК РФ). Если на момент принятия решения о приватизации недвижимого имущества срок договора его аренды истек, но арендатор, несмотря на возражения со стороны арендодателя, не вернул имущество арендодателю, права на приобретение у него не возникает.

По смыслу ст. 3 Закона N 159-ФЗ и в соответствии со ст. 10 ГК РФ суд вправе признать наличие у арендатора права на приобретение в случае, когда договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение имущества в собственность.

Поскольку общество продолжало пользоваться помещениями по истечении срока действия договора аренды, в силу п. 2 ст. 621 ГК РФ договор был возобновлен на тех же условиях на неопределенный срок.

В таком случае согласно п. 2 ст. 610 ГК РФ каждая из сторон вправе в любое время отказаться от договора, предупредив об этом другую сторону за один месяц, а при аренде недвижимого имущества - за три месяца.

Таким образом, на дату принятия департаментом решений об отказе в приватизации договор аренды не действовал. Следовательно, у общества не возникло право на приобретение в собственность спорных помещений, поскольку оно не являлось арендатором на дату принятия решения по заявлению на выкуп.

При рассмотрении данного дела суды вправе были признать наличие у арендатора такого права в случае признания, что договор аренды был прекращен в одностороннем порядке арендодателем, действовавшим исключительно с целью воспрепятствования реализации арендатором права на приобретение (ст. 10 ГК РФ). Между тем, оценив представленные в материалы дела доказательства по правилам ст. 71 АПК РФ, суды первой и апелляционной инстанций не усмотрели в действиях департамента по отказу от договора злоупотребления правом. Напротив, согласно представленным доказательствам

арендатором допущено нарушение предусмотренного договорами аренды целевого назначения арендованных помещений. Арендодатель направил сообщение об отказе от договора за два месяца до подачи обществом заявления о выкупе. Общество, арендуя спорные помещения с 1 декабря 1999 г., ранее с заявлением о реализации преимущественного права в департамент не обращалось, поэтому на момент отказа от договоров ответчик не мог знать о намерении общества приобрести в собственность данное недвижимое имущество.

Определение N 305-ЭС17-5424

Практика применения земельного и градостроительного законодательства

24. При применении положений п. 5.1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" учитывается фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка.

Уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) и сельскохозяйственная организация (далее - общество) обратились в регистрирующий орган с заявлениями о государственной регистрации перехода права собственности на земельные участки сельскохозяйственного назначения на основании договора купли-продажи, заключенного в соответствии с п. 5.1 ст. 10 Федерального закона от 24 июля 2002 г. N 101-ФЗ "Об обороте земель сельскохозяйственного назначения" (далее - Закон N 101-ФЗ).

Регистрирующий орган приостановил государственную регистрацию перехода права собственности, указав на отсутствие документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество и администрация представили в регистрирующий орган дополнительные документы: структуру севооборота полей общества, опись документов бухгалтерского учета на посев и обработку полей, письмо главы муниципального образования, акт осмотра земельных участков.

Регистрирующий орган отказал в государственной регистрации перехода права собственности на основании абзаца десятого п. 1 ст. 20 Федерального закона от 21 июля 1997 г. N 122-ФЗ "О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним" в связи с непредставлением документа, подтверждающего использование земельных участков обществом.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа регистрирующего органа незаконным и об обязанности регистрирующего органа произвести государственную регистрацию перехода права.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Истолковав п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ и ст. 5 ЗК РФ, суды сочли, что представленные обществом доказательства не свидетельствуют о законном использовании обществом спорных земельных участков, под которыми суды понимают владение земельным участком и его использование на праве собственности, правах постоянного (бессрочного) пользования, пожизненного наследуемого владения, ограниченного пользования чужими земельными участками (сервитут), безвозмездного срочного пользования либо по договорам аренды, субаренды.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Пунктом 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ установлен льготный порядок приобретения прав на земельный участок, сформированный в счет невостребованных земельных долей.

Из буквального толкования названной нормы права и ст. 12.1 Закона N 101-ФЗ следует, что заявитель должен доказать факт использования истребуемого им в собственность земельного участка.

При этом закон не устанавливает основания использования, перечень доказательств, подтверждающих данный факт, так же как не определяет срок использования участка и другие обстоятельства его

использования с учетом особенностей ведения сельскохозяйственной деятельности. Поэтому при возникновении судебного спора о наличии оснований для приобретения прав на земельный участок в порядке указанной нормы данный факт подлежит установлению судом на основе исследования и оценки относимости, допустимости, достоверности каждого доказательства в отдельности, а также достаточности и взаимной связи доказательств в их совокупности, установленных гл. 7 АПК РФ. К таким основаниям и доказательствам использования земельного участка могут быть отнесены: договоры аренды или безвозмездного пользования, иные договоры, заключенные в отношении земельного участка, находящегося в общей долевой собственности в соответствии с действовавшим на момент их заключения законодательством; в случае если указанные субъекты использовали истребуемый участок без оформления правоотношений, то ими могут быть представлены любые относимые и допустимые доказательства, подтверждающие использование земельного участка в сельскохозяйственных целях (например, сведения о расходах по обработке земельного участка и внесении удобрений, проведении посевных работ и уборке урожая и другие).

Таким образом, в целях применения положений п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ и установления факта использования земельного участка могут быть учтены как договорные отношения, так и фактическое использование сельскохозяйственной организацией или крестьянским (фермерским) хозяйством земельного участка, находившегося в общей долевой собственности до государственной регистрации права муниципальной собственности на такой земельный участок. При этом указанный порядок предоставления земли в порядке приведенной нормы права не должен позволять приобрести земельный участок недобросовестным лицом.

Определение N 310-КГ16-21437

25. Отказ регистрирующего органа в регистрации перехода права собственности на земельный участок на основании положений п. 5.1 ст. Закона N 101-ФЗ является правомерным при отсутствии доказательств наличия у приобретателя статуса сельскохозяйственной организации и фактического использования им земельного участка.

Решением регистрирующего органа уполномоченному органу муниципального образования (далее - администрации) и обществу отказано в государственной регистрации перехода права собственности на земельный участок сельскохозяйственного назначения на основании п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ в связи с несоответствием предоставленных на регистрацию документов действующему законодательству.

Администрация и общество обратились в арбитражный суд с заявлением о признании данного отказа незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Регистрирующий орган утверждал, что общество не является сельскохозяйственной организацией, ссылаясь при этом на сведения налогового органа, согласно которым основным видом деятельности общества является "деятельность по операциям с недвижимым имуществом", сведениями об осуществлении им сельскохозяйственной деятельности налоговый орган не располагает.

Пунктом 1 ст. 177 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" дано понятие сельскохозяйственной организации, которой могут быть юридические лица, основными видами деятельности которых являются производство или производство и переработка сельскохозяйственной продукции, выручка от реализации которой составляет не менее чем 50% общей суммы выручки.

Судами первой и апелляционной инстанций при рассмотрении дела наличие у общества статуса сельскохозяйственной организации не проверялось, соответствующих выводов в судебных актах не содержится.

Арбитражный суд округа, указывая, что общество является сельскохозяйственной организацией, этот

вывод не мотивировал.

Поскольку в соответствии с п. 5.1 ст. 10 Закона N 101-ФЗ льготный порядок приобретения земельного участка возможен только для сельскохозяйственной организации или крестьянского (фермерского) хозяйства, проверка наличия у общества признаков сельскохозяйственной организации являлась необходимой при разрешении настоящего спора.

Кроме того, суды также должным образом не проверили использование обществом спорного земельного участка. В подтверждение использования земельного участка до государственной регистрации на него права муниципальной собственности, которое было зарегистрировано 28 сентября 2015 г., общество представило договор аренды от 3 сентября 2015 г., заключенный участниками общей долевой собственности и обществом. Между тем суды не проверили, каким образом общество использовало земельный участок в сельскохозяйственных целях, осуществлялось ли его фактическое использование за такой непродолжительный период действия договора аренды. Оценивая представленный обществом договор аренды, по сути являющийся его единственным доказательством использования земельного участка, суды не учли, что наличие заключенного договора само по себе не подтверждает фактическое использование земельного участка.

Определение N 310-КГ17-6693

26. Федеральный закон от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ "Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" не определяет специальных оснований для установления сервитута на земельные участки, расположенные в границах полосы отвода автомобильных дорог. Такие основания закреплены гражданским законодательством.

Общество обратилось в уполномоченный орган субъекта Российской Федерации (далее - департамент) с заявлением об установлении в интересах общества частного сервитута на земельный участок для размещения коммерческой парковки на основании подп. 2 п. 4 ст. 39.26 ЗК РФ, указав что Федеральным законом от 8 ноября 2007 г. N 257-ФЗ "Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (далее - Закон N 257-ФЗ) допускается использование земельных участков в границах полос отвода автомобильных дорог.

Департамент отказал обществу, ссылаясь на то, что спорный земельный участок находится в зоне городского наземного транспорта ИТ-2 в границах полосы отвода автомобильной дороги, но расположен на землях общего пользования под улицей.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании отказа департамента недействительным и об установлении частного сервитута.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены. Суды исходили из того, что в силу п. 1 ст. 274 ГК РФ, п. 10 ст. 23, ст. 39.26 ЗК РФ, ст. 3, ст. 25 Закона N 257-ФЗ предоставление земельного участка для размещения дорожного сервиса на земельном участке в границах отвода автомобильной дороги возможно только на условиях частного сервитута.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала в удовлетворении требований общества по следующим основаниям.

Ни положениями ЗК РФ, ни Закона N 257-ФЗ не установлено оснований для предоставления свободного (не предоставленного иному лицу) земельного участка, находящегося в публичной собственности, расположенного в полосе отвода автомобильной дороги, гражданину или юридическому лицу только на условиях сервитута.

В соответствии с п. 10 ст. 23 ЗК РФ в нормах специального законодательства, в том числе в п. 4.1 ст. 25 Закона N 257-ФЗ, определяются лишь особый порядок, условия и случаи установления сервитутов в отношении земельных участков в границах полос отвода автомобильных дорог. Основания для установления сервитута предусмотрены в ст. 274 ГК РФ.

Учитывая, что общество не является ни собственником соседнего земельного участка, ни любого другого объекта недвижимости, для использования которого на испрашиваемый участок необходимо установить сервитут, ни собственником объектов дорожного сервиса, уже размещенных в полосе отвода автомобильной дороги, для функционирования которых необходима стоянка транспортных средств, оснований для установления сервитута в данном случае не имеется. При таких обстоятельствах департамент правомерно, в соответствии с подп. 2 п. 4 ст. 39.26 ЗК РФ, отказал обществу в установлении сервитута на испрашиваемый земельный участок.

Определения N 304-ЭС17-1624,
304-ЭС17-1639

Споры, возникающие из обязательственных правоотношений

27. В случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Теплоснабжающей организацией и абонентом заключен договор теплоснабжения, по условиям которого теплоснабжающая организация обязуется поставить абоненту тепловую энергию и горячую воду, а абонент обязуется оплачивать принятую тепловую энергию, горячую воду, а также теплоноситель, не возвращенный в тепловую сеть теплоснабжающей организации.

Ссылаясь на ненадлежащее исполнение абонентом обязательств по оплате горячей воды, теплоснабжающая организация обратилась в арбитражный суд с иском о взыскании задолженности и пени, начисленной в связи с просрочкой внесения платежей.

Разногласия сторон возникли по объему (количеству) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению, который ответчик определял расчетным способом в соответствии с Правилами предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 6 мая 2011 г. N 354 (далее - Правила N 354), а истец - по показаниям приборов учета.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, исковые требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу прямого указания п. 13 Правил N 354 условия договоров о приобретении коммунальных ресурсов в целях использования таких ресурсов для предоставления коммунальных услуг потребителям определяются с учетом названных Правил и иных нормативных правовых актов Российской Федерации.

В соответствии с п. 87 Основ ценообразования в сфере теплоснабжения, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. N 1075, двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) устанавливается для теплоснабжающих организаций, поставляющих горячую воду с использованием открытой системы теплоснабжения (горячего водоснабжения). При этом двухкомпонентный тариф на горячую воду в открытой системе теплоснабжения (горячего водоснабжения) состоит из компонента на теплоноситель и компонента на тепловую энергию.

Разделом VII Приложения 2 к Правилам N 354 установлен порядок расчета размера платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению, предоставленную потребителю за расчетный период в жилом помещении (жилом доме, квартире) или нежилом помещении и на общедомовые нужды, в случае установления двухкомпонентных тарифов на горячую воду. В соответствии с п. 26 названного приложения размер платы за коммунальную услугу по горячему водоснабжению в i-м жилом или нежилом помещении

определяется по формуле 23, которая содержит величину $Q_i^п$ - объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период в *i*-м жилом или нежилом помещении. Указанная величина рассчитывается как произведение объема потребленной за расчетный период в *i*-м жилом или нежилом помещении горячей воды, определенного по показаниям индивидуального или общего (квартирного) прибора учета в *i*-м жилом или нежилом помещении, и утвержденного норматива расхода тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению. Аналогичным образом определяется объем (количество) тепловой энергии, используемой на подогрев воды в целях предоставления коммунальной услуги по горячему водоснабжению за расчетный период на общедомовые нужды, приходящиеся на *i*-е жилое помещение или нежилое помещение ($Q_i^{одн}$) в формуле 24 того же приложения.

Таким образом, в силу Правил N 354 количество тепловой энергии, использованной на подогрев воды, определяется по установленным в предусмотренном законодательством порядке нормативам расхода тепловой энергии на подогрев воды для целей горячего водоснабжения независимо от наличия коллективного (общедомового) прибора учета, которым фиксируется объем тепловой энергии, поступающей в систему горячего водоснабжения многоквартирного жилого дома.

Определение N 305-ЭС17-8232

Практика применения норм международного частного права

28. При определении того, является ли норма иностранного права материальной или процессуальной, судам следует исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из существа содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Банком (кредитором) и обществом (поручителем) заключен договор поручительства и согласовано, что применимым правом к обязательствам из названного договора будет являться право Республики Кипр.

В отношении общества открыто конкурсное производство. Определением суда первой инстанции требование банка о взыскании с общества суммы основного долга включено в реестр требований кредиторов.

Ссылаясь на положения ст. 33 Закона Республики Кипр 1960 г. N 14/1960 "О судах справедливости" (далее - Закон о судах справедливости), банк обратился с заявлением о включении в реестр требований кредиторов требования о взыскании суммы законных процентов, подлежащих начислению за период со дня инициирования дела о взыскании долга с поручителя по день введения наблюдения в отношении поручителя.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано. Суды исходили из того, что проценты, предусмотренные Законом о судах справедливости, имеют процессуальную природу и названная норма не может быть применена российским судом.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

Согласно п. 1 ст. 33 Закона о судах справедливости в любом судебном разбирательстве перед любым судом о взыскании любого долга, по которому проценты подлежат уплате или предусмотрены договором или иначе предусмотрены договором или иначе предусмотрены законом, суд должен присуждать проценты в соответствии с процентной ставкой, которая согласована или иначе предусмотрена законом, за период с даты, в которую такие проценты стали подлежащими уплате, и до окончательного погашения.

В соответствии с п. 2 названной статьи на сумму, присужденную каждым решением, в том числе на ее часть, относящуюся к судебным издержкам, если иное не предусмотрено в судебном акте в соответствии с п. 1, начисляются, при условии соблюдения положений подраздела (4), проценты по ставке 5,5% годовых с даты подачи иска до окончательного погашения долга.

В связи с тем, что стороны согласовали в качестве применимого право Республики Кипр, суд первой инстанции, разрешая настоящий спор о допустимости взыскания процентов, начисленных по правилам ст. 33 Закона о судах справедливости, должен был в применяемой к отношениям сторон части установить содержание норм права данного государства в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной (ч. 1 ст. 14 АПК РФ и п. 1 ст. 1191 ГК РФ).

Суд первой инстанции не отразил в решении наличие в материалах дела заключений иностранных специалистов по данному вопросу и мотивы принятия своего решения, формально констатировав, что норма, на которую ссылается банк, находится в законе, регулирующем вопросы судоустройства и процессуального права, в связи с чем имеет процессуальную природу, а поэтому в силу п. 5 ст. 1 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" не может быть применена в деле о банкротстве российской организации.

В то же время нахождение нормы в процессуальном законе само по себе не создает неопровержимой презумпции ее процессуального характера. Так, российскому праву известны случаи нахождения процессуальных норм в материальном законе (например, содержащиеся в Гражданском кодексе Российской Федерации положения о запрете ссылаться на свидетельские показания при несоблюдении письменной формы сделки (п. 1 ст. 162), о порядке установления судом содержания норм иностранного права (ст. 1191) и т.д.), и наоборот, нахождения материальных норм в процессуальном законе (например, положения ст. 446 ГПК РФ, устанавливающие исключение из принципа полной имущественной ответственности гражданина, предусмотренного ст. 24 ГК РФ).

Таким образом, судам при решении вопроса о применимости спорной нормы следовало исходить не из ее расположения в системе нормативно-правовых актов соответствующего государства, а из содержания нормы и регулируемых ею отношений.

Определение N 305-ЭС16-13148(2)

Практика применения законодательства о защите конкуренции

29. Условие документации о закупке, осуществляемой коммерческой организацией, о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей само по себе не противоречит действующему законодательству.

Решением антимонопольного органа общество признано нарушившим требования Федерального закона от 18 июня 2011 г. N 223-ФЗ "О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц" (далее - Закон N 223-ФЗ). Нарушения выразились в установлении в документации о закупке при проведении запроса предложений условия о недопустимости привлечения исполнителем при исполнении договора субподрядчиков или соисполнителей.

Общество обратилось в арбитражный суд о признании решения антимонопольного органа недействительным.

Решением суда первой инстанции, оставленными без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и признала недействительным решение антимонопольного органа по следующим основаниям.

Запрет привлечения субподрядчиков и соисполнителей не является требованием, предъявляемым к участнику закупки, а относится к способу и порядку исполнения договора и соответствует положениям ст. 706 и 780 ГК РФ, предоставляющим возможность включения в договор условия о личном выполнении подрядчиком работ (оказании услуг).

Включение в документацию о закупках спорного условия также не противоречит Закону N 223-ФЗ и Федеральному закону от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции", поскольку при проведении закупочных процедур заказчик не ограничен в вопросах формирования системы закупок, позволяющей выявить участника закупки, способного своевременно и качественно удовлетворить потребности заказчика в товарах, работах, услугах с необходимыми показателями цены, качества и надежности.

Условие о выполнении работ, являющихся предметом закупки, собственными силами может рассматриваться как нарушающее законодательство, если антимонопольный орган докажет, что это условие включено в документацию о закупках специально для того, чтобы обеспечить победу конкретному хозяйствующему субъекту.

В рамках настоящего дела не установлено, что условие о недопустимости привлечения исполнителем субподрядчиков или соисполнителей было включено для того, чтобы обеспечить победу в запросе предложений конкретного хозяйствующего субъекта, либо иным способом ограничить доступ хозяйствующим субъектам к участию в запросе предложений.

Определение N 305-КГ17-3423

30. Заинтересованное лицо вправе обжаловать в антимонопольный орган действия (бездействие) заказчика при осуществлении закупок в соответствии с положениями Федерального закона от 18 июля 2011 г. N 223-ФЗ "О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц" только в случаях, прямо предусмотренных ч. 10 ст. 3 указанного закона.

Решением антимонопольного органа признана обоснованной жалоба фирмы на действия общества при организации и проведении запроса предложений в электронной форме на право заключения договора на выполнение работ, общество признано нарушившим ч. 2 ст. 4, ч. 12 ст. 4, ч. 6 ст. 3 Федерального закона от 18 июня 2011 г. N 223-ФЗ "О закупках товаров, работ и услуг отдельными видами юридических лиц" (далее - Закон N 223-ФЗ) и п. 2 ч. 1 ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции" (далее - Закон о защите конкуренции). В соответствии с указанным решением антимонопольным органом обществу выдано предписание об устранении выявленных нарушений антимонопольного законодательства: отмене протоколов торгов, повторном проведении процедуры рассмотрения и оценки заявок. Антимонопольным органом также предписано принять меры по внесению изменений в Положение о закупках товаров, работ, услуг общества.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанных решения и предписания антимонопольного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила заявленные требования по следующим основаниям.

В соответствии с п. 4.2 ч. 1 ст. 23 Закона о защите конкуренции антимонопольные органы наделены полномочиями по рассмотрению жалоб на нарушение процедуры обязательных в соответствии с законодательством Российской Федерации торгов. Порядок рассмотрения указанных жалоб установлен ст. 18.1 Закона о защите конкуренции. Данные нормы введены в действие Федеральным законом от 6 декабря 2011 г. N 401-ФЗ в рамках т.н. "третьего антимонопольного пакета".

Федеральным законом от 13 июля 2015 г. N 250-ФЗ, принятым в рамках т.н. "четвертого антимонопольного пакета", положения ч. 1 ст. 18.1 Закона о защите конкуренции изложены в новой редакции, согласно которой установленный данной статьей порядок рассмотрения жалоб применяется также при организации и проведении закупок в соответствии с Законом N 223-ФЗ.

Таким образом, ст. 18.1 Закона о защите конкуренции регламентирует лишь порядок действий антимонопольного органа (процедуру) при рассмотрении жалоб участников закупок, осуществляемых в соответствии с Законом N 223-ФЗ, но не определяет основания компетенции (полномочия) антимонопольного органа. Эти основания установлены в ч. 10 ст. 3 Закона N 223-ФЗ, согласно которой антимонопольные органы рассматривают жалобы участников закупки на действия (бездействие) заказчика в определенных случаях. Перечисленные в данной норме основания обжалования действий заказчика в административном порядке соотносятся с принципом прозрачности информации о закупках. Иные же действия заказчиков подлежат обжалованию в судебном порядке, о чем указано в ч. 9 ст. 3 Закона N 223-ФЗ.

Статья 18.1 Закона о защите конкуренции в силу своего процедурного характера не может рассматриваться как расширяющая перечень оснований, в пределах которых антимонопольный орган

обладает полномочиями по рассмотрению жалоб, а лишь допускает возможность вынесения решения по итогам рассмотрения жалобы участника закупки с учетом всех нарушений, связанных с обеспечением информационной прозрачности закупок и упомянутых в ч. 10 ст. 3 Закона N 223-ФЗ.

Оспоренное обществом решение антимонопольного органа таких оснований не содержит.

Определение N 309-КГ17-7502

31. Объекты электро- и теплоснабжения, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, могут быть переданы в хозяйственное ведение или оперативное управление государственным или муниципальным унитарным предприятиям без проведения конкурсных процедур.

Решением антимонопольного органа уполномоченный орган муниципального образования (далее - администрация) признан допустившим нарушение п. 7 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ "О защите конкуренции" (далее - Закон о защите конкуренции), выразившееся в передаче объектов электро- и теплоснабжения в хозяйственное ведение муниципального унитарного предприятия без проведения конкурса. Администрации выдано предписание о принятии мер по возврату спорного имущества в казну муниципального образования.

Администрация обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании названных решения и предписания недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных требований отказано.

Постановлением арбитражного суда округа решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции отменены, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила без изменения постановление арбитражного суда округа по следующим основаниям.

Понятие, условия и цели предоставления преференций уполномоченными на это органами и организациями определены в ст. 4 и 19 Закона о защите конкуренции, из которых следует, что закрепление государственного или муниципального имущества за хозяйствующими субъектами на праве хозяйственного ведения или оперативного управления не является государственной или муниципальной преференцией. Названные положения учитывают специфику отношений между собственником государственного или муниципального имущества и учрежденным им юридическим лицом, предусмотренную пп. 1 и 2 ст. 209, ст. 215, 216, 294, 296 ГК РФ.

С момента официального опубликования (8 мая 2013 г.) Федерального закона от 7 мая 2013 г. N 103-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О концессионных соглашениях" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, централизованными системами горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, отдельными объектами таких систем, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется с учетом требований, установленных ст. 41.1 Федерального закона от 7 декабря 2011 г. N 416-ФЗ "О водоснабжении и водоотведении" и ст. 28.1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 190-ФЗ "О теплоснабжении" (далее - Закон о теплоснабжении).

Согласно ч. 1 ст. 28 Закона о теплоснабжении передача прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, находящимися в государственной или муниципальной собственности, осуществляется только по договорам их аренды, которые заключаются в соответствии с требованиями гражданского законодательства, антимонопольного законодательства Российской Федерации и принятых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, с учетом предусмотренных настоящим Федеральным законом особенностей, или по концессионным соглашениям, заключенным в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации о концессионных соглашениях.

Статьей 17.1 Закона о защите конкуренции предусмотрено, что заключение договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров, предусматривающих переход прав владения и (или) пользования в отношении государственного

или муниципального имущества, не закрепленного на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, может быть осуществлено только по результатам проведения конкурсов или аукционов на право заключения этих договоров, за исключением предоставления указанных прав на такое имущество в силу закона.

Указанные требования регулируют обязательственные отношения, связанные с передачей прав владения и (или) пользования в отношении государственного или муниципального имущества, и касаются только тех ситуаций, когда такое имущество передается на основании договоров аренды, договоров безвозмездного пользования, договоров доверительного управления имуществом, иных договоров.

Статья 28.1 Закона о теплоснабжении, устанавливая особые требования к передаче прав владения и (или) пользования объектами теплоснабжения, не затрагивает правомочий собственника по распоряжению принадлежащим ему имуществом и не исключает возможности по передаче собственником имущества на праве хозяйственного ведения и оперативного управления в порядке, предусмотренным ГК РФ.

Определение N 303-КГ17-4054

**Практика применения законодательства о налогах
и сборах и законодательства о взносах в государственные
внебюджетные фонды**

32. Обязанность по уплате сумм налогов в бюджет считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения о перечислении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа, за исключением случаев, когда налогоплательщик действовал в обход закона.

На основании заключенного с банком договора налогоплательщик 22 октября 2015 г. направил в банк платежные поручения и дал банку распоряжение о перечислении с его расчетного счета в бюджет денежных средств с назначением платежа об уплате налога по упрощенной системе налогообложения.

Денежные суммы списаны с банковского счета налогоплательщика 28 октября 2015 г. и 3 ноября 2015 г., но не поступили в бюджет.

Приказом Банка России от 16 ноября 2015 г. с даты его издания у банка отозвана лицензия на осуществление банковских операций.

Налогоплательщик обратился в арбитражный суд с заявлением к налоговому органу о признании исполненной обязанности по уплате налога.

Решением суда первой инстанции заявление удовлетворено.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

При исполнении конституционной обязанности по уплате налогов, установленной ст. 57 Конституции Российской Федерации, налогоплательщик не несет ответственность за действия всех организаций, участвующих в многостадийном процессе уплаты и перечисления налогов в бюджет: на налогоплательщика возложена публично-правовая обязанность уплатить законно установленные налоги и сборы, а на кредитные учреждения возлагается публично-правовая обязанность обеспечить перечисление соответствующих платежей в бюджет.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 12 октября 1998 г. N 24-П, конституционная обязанность каждого налогоплательщика по уплате налогов должна считаться исполненной в тот момент, когда изъятие части его имущества, предназначенной для уплаты в бюджет в

качестве налога, фактически произошло. Такое изъятие происходит в момент списания банком с расчетного счета налогоплательщика соответствующих средств в уплату налога. Иное приводило бы к повторному взысканию с добросовестного налогоплательщика не поступивших в бюджет налогов, что нарушает конституционные гарантии частной собственности и принцип равенства всех перед законом (ст. 19 и 35 Конституции Российской Федерации).

Положениями подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ установлено, что обязанность по уплате налога считается исполненной налогоплательщиком с момента предъявления в банк поручения на перечисление денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации со счета налогоплательщика в банке при наличии на нем достаточного денежного остатка на день платежа.

Вместе с тем в силу вытекающего из ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации запрета злоупотребления правом никто не вправе извлекать преимущество (выгоду) из своего недобросовестного поведения.

Таким образом, выдача распоряжения банку о списании денежных средств со счета клиента для уплаты налогов не создает правовых последствий, предусмотренных подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ, если к моменту предъявления соответствующего платежного поручения плательщик знал (не мог не знать) о неспособности кредитного учреждения обеспечить перечисление налогов в бюджетную систему Российской Федерации.

Об известности этого факта налогоплательщику - владельцу банковского счета должны свидетельствовать прямые доказательства осведомленности владельца счета о невозможности осуществления платежа (например, наличие ранее неисполненных банком платежных поручений клиента), либо достаточная совокупность косвенных доказательств, прежде всего, не получившее разумного объяснения несоответствие поведения налогоплательщика при направлении платежных поручений о перечислении налогов в бюджет его собственному предшествующему поведению при исполнении налоговой обязанности и поведению любого иного плательщика, ожидаемому в сравнимой ситуации (формирование остатка денежных средств на счете путем совершения внутрибанковских операций, не являвшихся обычными для налогоплательщика; направление имевшихся на счете клиента денежных средств только на уплату налогов при одновременном осуществлении расчетов с иными кредиторами за счет средств, имевшихся на счете, открытом налогоплательщиком в другом банке, и т.п.).

Само по себе высказывание в узкоспециализированных средствах массовой информации, не направленных на массового потребителя, предположений о техническом сбое в работе банка, тем более при наличии комментариев сотрудника банка о его устранении в короткое время, при отсутствии ограничений на проведение платежей в банке со стороны органа банковского надзора и при отсутствии иной информации о проведении контрольных мероприятий в банке, не может служить основанием для вывода о недобросовестности налогоплательщика, направившего платежное поручение об уплате налогов через соответствующий банк, поскольку клиенты кредитной организации, не являющиеся профессиональными участниками банковского сектора, как правило, не имеют сведений о возникновении проблем в банковском учреждении до того, как проблема приобрела общеизвестный характер.

На момент предъявления спорных платежных поручений у налогоплательщика был открыт единственный счет в банке и, соответственно, отсутствовала возможность использовать счет в ином банке для осуществления платежей. По данному счету совершалось большое число операций, связанных с хозяйственной деятельностью налогоплательщика, а также операций по перечислению налоговых платежей в бюджет и страховых взносов во внебюджетные фонды. Оставшиеся на счете денежные средства были размещены налогоплательщиком на депозите в том же банке.

Приведенные обстоятельства не позволяют утверждать, что исполнение обязанности по уплате налога за счет средств, находящихся на счете налогоплательщика, открытом в банке, в рассматриваемый период было сопряжено с созданием искусственных условий для применения подп. 1 п. 3 ст. 45 НК РФ (совершением действия в обход закона).

Определение N 305-КГ17-6981

33. Научно-производственный центр, не обладающий статусом государственного научного центра, не вправе применять льготу по налогу на имущество организаций в виде освобождения принадлежащих ему

основных средств от налогообложения.

Государственное унитарное предприятие (далее - предприятие) оспорило в арбитражном суде решение налоговой инспекции, которым ему доначислен налог на имущество организаций.

Основанием для доначислений послужил вывод налогового органа об отсутствии у предприятия оснований для применения льготы по налогу на имущество организаций в соответствии с п. 15 ст. 381 НК РФ, поскольку предприятие не является организацией, которой в проверяемом периоде присвоен статус государственного научного центра в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 22 июня 1993 г. N 939.

Суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд апелляционной инстанции и арбитражный суд округа, признал решение налогового органа недействительным, сочтя, что льгота, предусмотренная п. 15 ст. 381 НК РФ, распространяется на федеральные научно-производственные центры, к числу которых относится предприятие.

Суды учли, что такое разъяснение в отношении круга лиц, имеющих право на использование рассматриваемой льготы, дано в п. 5 Обзора практики разрешения арбитражными судами дел, связанных с применением отдельных положений гл. 30 НК РФ, N 148, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по жалобе налоговой инспекции, признала выводы судов ошибочными.

Новая редакция п. 15 ст. 381 НК РФ, действующая с 1 января 2015 г., предполагает, что освобождается от налогообложения имущество организаций, которым присвоен статус государственных научных центров.

Соответственно, действующее положение исключает применение ранее данных разъяснений, по причине чего предприятие с указанной даты не может использовать соответствующую льготу.

Сведений о том, что предприятию присвоен статус государственного научного центра в деле не имеется. Таким образом, предприятие не имеет права на использование льготы, предусмотренной п. 15 ст. 381 НК РФ, вследствие чего доначисления произведены налоговым органом законно.

Определение N 310-КГ17-5116

34. Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые Фондом социального страхования к зачету суммы выплаченного работникам страхового обеспечения.

Региональным отделением Фонда социального страхования Российской Федерации (далее - фонд) приняты решения, которыми хозяйственное общество (далее - страхователь) привлечено к ответственности за совершение нарушения законодательства Российской Федерации о страховых взносах и к ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Фонд включил в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, денежные средства в сумме выплаченных обществом своим сотрудникам - внешним совместителям - пособий по беременности и родам и по временной нетрудоспособности, не принятых к зачету по результатам выездной проверки.

Решением арбитражного суда, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества о признании недействительным указанного решения фонда отказано.

Суды сочли, что указанные суммы пособий, не принятые к зачету, уже не могут признаваться страховым обеспечением, не подлежащим обложению страховыми взносами в силу положений п. 1 ч. 1 ст. 9 Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 212-ФЗ "О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, в Фонд социального страхования Российской Федерации и в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования".

Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный Фонд обязательного медицинского страхования" (далее - Закон N 212-ФЗ) и п. 1 ч. 1 ст. 20.2 Федерального закона от 24 июля 1998 г. N 125-ФЗ "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний" (далее - Закон N 125-ФЗ).

В связи с этим, по мнению судов, фонд пришел к правомерному выводу, что данные средства подлежат включению в базу, облагаемую страховыми взносами на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, и в базу, облагаемую страховыми взносами от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила судебные акты и удовлетворила требования страхователя по следующим основаниям.

Положениями ч. 1 ст. 7 Закона N 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20.1 Закона N 125-ФЗ определены объекты обложения соответствующими страховыми взносами.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 9 Закона N 212-ФЗ и п. 1 ч. 1 ст. 20.2 Закона N 125-ФЗ не подлежат обложению соответствующими страховыми взносами пособия и иные виды обязательного страхового обеспечения по обязательному социальному страхованию.

Как следует из материалов дела и установлено судами, общество выплатило своим сотрудникам - внешним совместителям пособия по беременности и родам и по временной нетрудоспособности. Названные расходы общества не были приняты фондом к зачету, поскольку указанные сотрудники работали в обществе менее двух лет до наступления страхового случая и у общества отсутствуют справки с основного места работы этих лиц о том, что им не выплачивалось такое пособие по основному месту работы.

Однако отказ фонда в принятии к зачету расходов по выплате спорных пособий не может изменить статус выплаченных средств как страховое обеспечение, то есть страховые выплаты, обусловленные наступлением страхового случая. Указанные суммы сохраняют свою социальную направленность и не являются вознаграждением за выполнение работником трудовых функций. Сам факт наступления страхового случая фондом не оспаривается.

Действующее законодательство не содержит норм, обязывающих включать в базу для начисления страховых взносов не принятые фондом к зачету суммы выплаченного страхового обеспечения.

Таким образом, выплаченные обществом в связи с наступлением страхового случая своим сотрудникам спорные суммы признаются страховым обеспечением по обязательному социальному страхованию и не могут квалифицироваться как объекты обложения соответствующими страховыми взносами на основании положений ч. 1 ст. 7 Закона N 212-ФЗ и ч. 1 ст. 20.1 Закона N 125-ФЗ.

Определение N 308-КГ17-680

Споры, связанные с применением таможенного законодательства

35. При рассмотрении споров о классификации ввозимых товаров для таможенных целей могут учитываться рекомендации по классификации, данные Всемирной таможенной организацией, и международная практика классификации таких товаров.

Предварительными решениями таможенного органа товар общества - персональные беспроводные приемо-передающие носимые устройства Apple Watch ("Эппл Вотч", далее по тексту используется оригинальное название товара) классифицирован по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (далее - ТН ВЭД) в товарных позициях 9102/9101 "часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой с корпусом, изготовленным из драгоценного металла".

Общество, полагая, что устройства Apple Watch должны быть отнесены к товарной позиции 8517 ("аппаратура для передачи данных"), обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании решений таможенного органа недействительными.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требования общества по следующим основаниям.

Международная Конвенция по Гармонизированной системе описания и кодирования товаров (совершена в Брюсселе 14 июня 1983 г., далее - Конвенция) возлагает на Российскую Федерацию как государство - участника данного международного договора обязанность обеспечивать соответствие применяемых таможенно-тарифных и статистических номенклатур Гармонизированной системе описания и кодирования товаров Всемирной таможенной организации (далее - Гармонизированная система).

Обязательность применения Гармонизированной системы в Российской Федерации, кроме того, вытекает из п. 2 ст. 25 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в Астане 29 мая 2014 г.), согласно которому Гармонизированная система является основой ТН ВЭД.

Применение Гармонизированной системы включает в себя обязательное использование ее Основных правил интерпретации ТН ВЭД, приведенных в Едином таможенном тарифе Евразийского экономического союза (утвержден решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 г. N 54; далее - Основные правила интерпретации, ОПИ).

Статьи 6 - 7 Конвенции также предусматривают учреждение Комитета по Гармонизированной системе, одной из функций которого является разработка пояснений, классификационных решений и прочих рекомендаций, необходимых для интерпретации Гармонизированной системы. Названные рекомендации, в соответствии со ст. 8 Конвенции, имеют цель обеспечить единообразную интерпретацию и применение Гармонизированной системы, подготавливаются в ходе сессии Комитета по Гармонизированной системе, с участием уполномоченных представителей государств и после своего принятия считаются утвержденными Всемирной таможенной организацией.

В п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. N 18 "О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства" указано, что неправильная классификация товара таможенным органом является основанием для вывода о незаконности оспариваемого классификационного решения, и при проверке обоснованности классификационного решения судами могут учитываться рекомендации (разъяснения) по классификации товаров, данные Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 7 Конвенции, в отношении которых Российская Федерация не заявила об отказе в их применении.

По результатам 55-й сессии Комитета по Гармонизированной системе, прошедшей в марте 2015 года, принято решение, касающееся классификации "умных часов", согласно которому данные переносные устройства с питанием от аккумулятора, способные принимать и передавать данные и предназначенные для ношения на запястье, рекомендуется классифицировать в товарной позиции 8517.62 Гармонизированной системы в соответствии с Основными правилами интерпретации 1, 3(б) и 6, то есть основное свойство "умных часов" определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными.

На уровне Евразийского экономического союза не принято решение о классификации устройств вида "умные часы" по тому или иному коду ТН ВЭД.

В такой ситуации классификационные рекомендации Всемирной таможенной организации имеют значение для обеспечения правовой определенности при классификации ввозимых обществом товаров в таможенных целях.

Правильная классификация устройств Apple Watch не может быть произведена только на основании ОПИ 1 и 6. В действующей редакции ТН ВЭД отсутствует надлежащая товарная позиция (субпозиция), к которой рассматриваемые новые высокотехнологичные устройства могли быть отнесены непосредственным образом и однозначно, в том числе к товарным позициям 9102/9101 "часы наручные, карманные и прочие, предназначенные для ношения на себе или с собой/часы наручные, карманные".

В соответствии с ОПИ 3(б) в таком случае классификация многокомпонентного товара должна осуществляться исходя из той составной части, которая придает товару основное свойство. Фактор, который

определяет основное свойство многокомпонентного товара, устанавливается по природе компонента, объему, количеству, массе, стоимости или же роли, которую играет этот компонент при использовании товара, на что обращено внимание в п. VIII Пояснений к данному правилу (рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 12 марта 2013 г. N 4).

Исходя из классификационной рекомендации Всемирной таможенной организации, применение данного правила к "умным часам" объясняется тем, что их основное свойство определяется компонентом (модулем) беспроводного обмена данными, который позволяет Apple Watch синхронизировать данные с основным устройством (смартфоном iPhone) и выводить на экран соответствующую информацию. После синхронизации со смартфоном с включенной функцией передачи данных Apple Watch, в частности, выполняет функции приема/отклонения и инициирования телефонных звонков; визуализации полученных на материнское устройство (iPhone) сообщений; воспроизведения видео и аудиофайлов, сохраненных в памяти материнского устройства; дистанционного управления фотовидеокамерой материнского устройства; контроля времени (часы, календарь, таймер обратного отсчета, секундомер).

Доводы таможенного органа о многообразии функций, выполняемых Apple Watch, не могли служить основанием для отказа в применении Основного правила интерпретации 3(б) и использования иного подхода к классификации товара. По существу эти доводы сводятся к констатации значительного числа потребительских нужд, удовлетворяемых при бытовом использовании "умных часов".

Таким образом, классификация многокомпонентного товара не ставится в зависимость от выполняемых им функций, а производится по составляющим его компонентам, их объективной роли и значимости в функциональности устройства.

В нарушение ч. 5 ст. 200 АПК РФ таможенный орган не опроверг относимость и обоснованность подхода к классификации товаров, рекомендованного Всемирной таможенной организацией в соответствии со ст. 6 - 7 Конвенции, к заявленным обществом устройствам Apple Watch и не доказал правильность принятых им решений по предварительной классификации товаров.

Определение N 305-КГ17-3138

Практика применения положений Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях

36. Оказание услуг, отвечающих критериям образовательной деятельности, без получения необходимой лицензии является основанием для привлечения оказывающего такие услуги лица к административной ответственности, установленной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ.

Арбитражный суд первой инстанции удовлетворил заявление прокурора о привлечении общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, за осуществление образовательной деятельности без лицензии, назначив обществу наказание в виде штрафа.

Постановлением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, решение суда первой инстанции отменено и в удовлетворении заявления прокурора о привлечении общества к административной ответственности отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановления суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Как следовало из материалов дела, общество на платной основе предоставляло образовательные услуги по подготовке судоводителей маломерных судов в соответствии с Типовой программой обучения судоводителей судов, поднадзорных Государственной инспекции по маломерным судам МЧС России (утвержденной МЧС России 28 октября 2005 г.), а также в соответствии с собственной Программой подготовки судоводителей маломерных судов.

В соответствии с пп. 1, 3 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" (далее - Закон об образовании) образование - единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, а также совокупность приобретаемых знаний; обучение - целенаправленный

процесс организации деятельности обучающихся по овладению знаниями, умениями, навыками и компетенцией, приобретению опыта деятельности, развитию способностей, приобретению опыта применения знаний в повседневной жизни и формированию у обучающихся мотивации получения образования в течение всей жизни.

Как следует из положений ч. 1 ст. 12 Закона об образовании, содержание образования определяют образовательные программы. В силу ч. 5 ст. 12 Закона об образовании образовательные программы самостоятельно разрабатываются и утверждаются организацией, осуществляющей образовательную деятельность, если данным Законом не установлено иное.

Таким образом, общество, осуществляя обучение слушателей по программе "Подготовка судоводителей маломерных судов", а также фиксируя (в протоколах заседаний экзаменационной комиссии общества по проведению внутренних экзаменов) факт овладения слушателями соответствующими знаниями, умениями, навыками и компетенцией, осуществляет именно образовательную деятельность.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 Закона об образовании образовательная деятельность подлежит лицензированию. Лицензирование, как установлено ч. 1 ст. 2 Закона о лицензировании, осуществляется, в том числе в целях предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан.

Эксплуатация маломерных судов связана с повышенной опасностью для жизни и здоровья граждан, что дополнительно подтверждает квалификацию деятельности общества как образовательной и подлежащей в связи с этим лицензированию.

Как следует из ч. 2 ст. 14.1 КоАП РФ, наказуемо осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение (такая лицензия) обязательно (обязательна).

Следовательно, выводы прокурора о совершении обществом правонарушения, ответственность за которое предусмотрена указанной нормой, обоснованы, а решение суда первой инстанции соответствует действующему законодательству.

Определение N 310-АД17-3729

37. Срок привлечения к ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.34 КоАП РФ, начинается со дня обнаружения административного правонарушения.

Общество, в нарушение требований ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. N 137-ФЗ "О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации", не исполнило обязанность по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в срок до 1 июля 2012 г.

Административный орган, составив акт обследования от 4 мая 2016 г., пришел к выводу о наличии в деянии общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ст. 7.34 КоАП РФ, вследствие чего был составлен протокол от 9 июня 2016 г. и принято постановление от 17 июня 2016 г. о привлечении общества к административной ответственности в виде штрафа.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании указанного постановления незаконным и подлежащим отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявление общества удовлетворено. Суды исходили из того, что общество в связи с допущенным в рассматриваемом случае бездействием не подлежало административной ответственности на момент его выявления административным органом, поскольку после введения с 1 января 2013 г. в действие новой редакции ст. 7.34 КоАП РФ нового срока исполнения хозяйствующими субъектами обязанности по переоформлению права постоянного (бессрочного) пользования земельными участками не устанавливалось.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и отказала обществу в удовлетворении заявления по следующим основаниям.

В соответствии с действующей с 20 марта 2015 г. редакцией ст. 7.34 КоАП РФ наказуемо использование

земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования юридическим лицом, не выполнившим в установленный федеральным законом срок обязанности по переоформлению такого права на право аренды земельного участка или по приобретению этого земельного участка в собственность.

Соответственно, данное правонарушение является длящимся, вследствие чего срок давности привлечения к ответственности начинает исчисляться с учетом положений ч. 2 ст. 4.5 КоАП РФ со дня обнаружения административного правонарушения.

Определение N 307-АД17-2298

38. Работник организации, не наделенный организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, не может выступать субъектом административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ.

Арбитражный суд удовлетворил заявление прокурора о привлечении работника акционерного общества к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ за несвоевременное предоставление конкурсному управляющему сведений (документов), необходимых для исполнения возложенных на них обязанностей.

Как установил суд, конкурсный управляющий направил в акционерное общество запрос о предоставлении информации, обосновывающей перечисление денежных средств должника по делу о банкротстве на расчетный счет указанной организации и о поступлении на расчетный счет этой организации денежных средств должника. Упомянутый запрос был исполнен сотрудником организации с нарушением установленного п. 1 ст. 20.3 Федерального закона от 26 октября 2002 г. N 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" (далее - Закон о банкротстве) срока.

В связи с этим суд первой инстанции, с которым согласились арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанций, пришел к выводу о наличии в действиях работника акционерного общества состава административного правонарушения, ответственность за которое установлена ч. 4 ст. 14.13 КоАП РФ и назначил наказание в виде штрафа.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся по делу судебные акты по следующим основаниям.

Согласно ст. 2.4 КоАП РФ административной ответственности подлежит должностное лицо в случае совершения им административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

Как следует из представленных в материалы дела доказательств, в том числе приказа по организации и соответствующей должностной инструкции организации, привлеченный к административной ответственности работник являлся ведущим юрисконсультантом отдела претензионно-исковой работы корпоративно-правового департамента акционерного общества и не был наделен организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями, в отсутствие которых он не может быть признан должностным лицом, подлежащим привлечению к административной ответственности за совершение административного правонарушения в связи с неисполнением либо ненадлежащим исполнением своих служебных обязанностей.

То обстоятельство, что согласно должностной инструкции в обязанности привлеченного к ответственности гражданина входит представление интересов организации в делах о банкротстве, в том числе ведение переписки с арбитражными управляющими, представителями временной администрации, не свидетельствует о том, что данный гражданин наделен какими-либо организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями.

Таким образом, будучи рядовым сотрудником организации, гражданин не является должностным лицом, к которому по смыслу положений ст. 2.4 КоАП РФ может быть применена административная ответственность.

Определение N 305-АД17-1484

39. Рассмотрение дела об оспаривании постановления антимонопольного органа, которым к административной ответственности по ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ привлечено должностное лицо, не относится к компетенции арбитражного суда.

Постановлением антимонопольного органа гражданин привлечен к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ за заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координацию экономической деятельности.

Не согласившись с указанным постановлением, гражданин обратился в арбитражный суд с заявлением о его признании незаконным и отмене.

При рассмотрении дела антимонопольным органом заявлено ходатайство о прекращении производства, поскольку оспариваемое постановление вынесено в отношении должностного лица.

Арбитражный суд, руководствуясь положениями ст. 27, 29 АПК РФ, ч. 3 ст. 30.1 КоАП РФ, вынес определение о прекращении производства по делу в связи с отсутствием у арбитражного суда компетенции рассматривать данный спор.

Постановлением суда апелляционной инстанции данное определение отменено и дело направлено для рассмотрения по существу в суд первой инстанции.

Суд апелляционной инстанции, ссылаясь на положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, согласно которым судьи арбитражных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных, в частности, ст. 14.32 КоАП РФ, указал, что арбитражный суд обладает компетенцией по рассмотрению настоящего спора об оспаривании постановления о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, независимо от субъектного состава - должностное лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление суда апелляционной инстанции и оставила в силе определение суда первой инстанции о прекращении производства по делу, отметив следующее.

Положения абзаца пятого ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, на которые сослался суд апелляционной инстанции, подлежат применению с учетом положений чч. 1 и 2 указанной статьи.

Соответственно, рассмотрение дел о привлечении должностных лиц, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей к административной ответственности за совершение правонарушений, которые предусмотрены статьями (частями статей), перечисленными одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, осуществляется административными органами, если они не передали такие дела на рассмотрение в арбитражный суд, или арбитражным судом, если ему соответствующие дела переданы административными органами на рассмотрение.

Правонарушения, административная ответственность за совершение которых предусмотрена ч. 1 ст. 14.32 КоАП РФ, перечислены одновременно в ч. 2 и абзаце пятом ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ.

При этом в силу ч. 1 ст. 23.48 КоАП РФ федеральный антимонопольный орган, его территориальные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных в частности ст. 14.32 КоАП РФ.

Поскольку в рассматриваемой ситуации антимонопольный орган не воспользовался своими полномочиями на передачу дела об административном правонарушении на рассмотрение в арбитражный суд, то упомянутое постановление о привлечении к административной ответственности могло быть обжаловано в арбитражный суд только по правилам гл. 30 КоАП РФ и параграфа 2 гл. 25 АПК РФ, положения которых не предполагают возможность рассмотрения арбитражным судом дел об оспаривании решений административных органов о привлечении к административной ответственности физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями.

40. Субъектом ответственности, установленной ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, является лицо, обязанное соблюдать требования технических регламентов применительно к осуществляемой им деятельности.

Постановлением уполномоченного органа о привлечении к административной ответственности общество признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, и подвергнуто наказанию в виде взыскания штрафа.

Основанием для привлечения общества к ответственности послужили выводы уполномоченного органа о том, что общество при организации питания детей использовало сливочное масло, состав которого не соответствовал требованиям ТР ТС 021/2011, ТР ТС 033/2013, ГОСТ-32261-2013 "Масло сливочное. Технические условия" (далее - технические регламенты).

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании незаконным указанного постановления и об его отмене.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации оставила названные судебные акты без изменения по следующим основаниям.

Согласно примечанию к ст. 14.43 КоАП РФ под подлежащими применению до дня вступления в силу соответствующих технических регламентов обязательными требованиями для целей применения данной статьи понимаются обязательные требования к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, установленные нормативными правовыми актами, принятыми Комиссией Таможенного союза в соответствии с Соглашением Таможенного союза по санитарным мерам от 11 декабря 2009 г., а также не противоречащие им требования нормативных правовых актов Российской Федерации и нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, подлежащих обязательному исполнению в соответствии с пп. 1, 1.1, 6.2 ст. 46 Федерального закона от 27 декабря 2002 г. N 184-ФЗ "О техническом регулировании".

Таким образом, объективная сторона правонарушения, описанного в ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ, заключается в совершении действий (бездействия), нарушающих установленные требования технических регламентов или обязательных требований к продукции либо к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам реализации, либо в выпуске в обращение продукции, не соответствующей таким требованиям.

Субъектом правонарушения является лицо, ответственное за соблюдение установленных правил и норм, а именно изготовитель, исполнитель (лицо, выполняющее функции иностранного изготовителя), продавец соответствующей продукции.

То обстоятельство, что общество при организации питания использовало масло, не соответствующее требованиям технических регламентов Таможенного союза по микробиологическим показателям, является недостаточным для квалификации его действий по ч. 1 ст. 14.43 КоАП РФ.

Несоответствие использованной в процессе организации общественного питания продукции требованиям технических регламентов заключается в микробиологических показателях, то есть фактически допущено на стадии технологического процесса при изготовлении масла, ответственность за соблюдение которого несет изготовитель указанной продукции.

Определение N 304-АД17-7163

41. Неисполнение в установленный срок жилищно-строительным кооперативом предписания органа, осуществляющего контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, может являться основанием для привлечения к административной ответственности, установленной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ.

Жилищно-строительный кооператив (далее - кооператив) обратился в арбитражный суд с заявлением,

в котором просил признать незаконным и отменить постановление о привлечении к административной ответственности, предусмотренной ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ за невыполнение в установленный срок законного предписания органа, осуществляющего контроль и надзор в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости.

При рассмотрении дела суд первой инстанции установил, что в ходе проведенной на основании обращения граждан внеплановой проверки кооператива по вопросам соблюдения законодательства о долевом строительстве, в частности привлечения денежных средств членов кооператива для строительства многоквартирного жилого дома, уполномоченный орган истребовал у кооператива ряд документов, необходимых для проведения указанной проверки. В связи с непредставлением кооперативом истребуемых документов уполномоченный орган составил акт проверки и выдал кооперативу предписание о представлении соответствующих документов в указанный в нем срок.

Неисполнение кооперативом в установленный срок названного предписания послужило основанием для составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 4 ст. 19.5 КоАП РФ, и вынесения постановления о привлечении кооператива к указанной административной ответственности с назначением наказания в виде административного штрафа.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции, в удовлетворении заявленных кооперативом требований отказано.

Арбитражный суд округа отменил названные судебные акты, удовлетворив заявление кооператива, исходя из следующего.

Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. N 214-ФЗ "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" (далее - Закон N 214-ФЗ) регулирует отношения, связанные с привлечением денежных средств граждан и юридических лиц для долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости (далее - участники долевого строительства) и возникновением у участников долевого строительства права собственности на объекты долевого строительства и права общей долевой собственности на общее имущество в многоквартирном доме и (или) ином объекте недвижимости, а также устанавливает гарантии защиты прав, законных интересов и имущества участников долевого строительства. Положениями ч. 2 ст. 1 Закона N 214-ФЗ предусмотрено, что привлечение денежных средств граждан, связанное с возникающим у граждан правом собственности на жилые помещения в многоквартирных домах, которые на момент привлечения таких денежных средств граждан не введены в эксплуатацию в порядке, установленном законодательством о градостроительной деятельности (далее - привлечение денежных средств граждан для строительства), допускается жилищно-строительными и жилищными накопительными кооперативами в соответствии с федеральными законами, регулирующими деятельность таких кооперативов. Ссылаясь на п. 11 Обзора практики разрешения судами споров, возникающих в связи с участием граждан в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 4 декабря 2013 г., арбитражный суд округа указал на отсутствие у административного органа полномочий по проверке соблюдения требований Закона N 214-ФЗ и истребования документов, в связи с чем у кооператива не возникло обязанности по исполнению полученного предписания и, соответственно, в действиях кооператива отсутствует состав вмененного административного правонарушения.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 123.2 ЖК РФ, введенной в действие с 25 июля 2015 г. Федеральным законом от 13 июля 2015 г. N 236-ФЗ "О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации", уполномоченному органу, осуществляющему на основании Закона N 214-ФЗ контроль (надзор) в области долевого строительства многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, предоставлены полномочия по осуществлению контроля (надзора) за деятельностью жилищно-строительных кооперативов по привлечению денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости.

Таким образом, после введения в действие ст. 123.2 ЖК РФ уполномоченный орган обладал

соответствующими полномочиями для проверки деятельности кооператива, связанной с привлечением денежных средств граждан для строительства многоквартирного дома, в связи с чем арбитражный суд округа необоснованно применил к рассматриваемым правоотношениям положения п. 11 указанного Обзора.

При этом следует иметь в виду, что в п. 11 указанного Обзора сделан вывод о том, что Закон N 214-ФЗ не регулирует отношения, возникающие в связи с долевым строительством между гражданами и жилищно-строительными либо жилищными накопительными кооперативами. Однако это не означает, что данный закон не регулирует отношения между названными кооперативами и государством в лице контролирующих органов в сфере контроля за законностью привлечения денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов.

Кроме того, в настоящее время распространение предусмотренных Законом N 214-ФЗ прав и полномочий контролирующего органа на жилищно-строительные кооперативы прямо закреплено в ч. 18 ст. 23 Закона N 214-ФЗ, введенной в действие Федеральным законом от 3 июля 2016 г. N 304-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации".

В то же время из этого не следует, что до введения в действие указанной правовой нормы контролирующие органы не обладали полномочиями по контролю за законностью привлечения жилищно-строительными кооперативами денежных средств граждан для строительства многоквартирных домов в порядке, предусмотренном Законом N 214-ФЗ.

Определение N 304-АД17-4552

Процессуальные вопросы

42. При снижении в связи с наличием смягчающих обстоятельств в судебном порядке размера штрафа, назначенного органом, осуществляющим контроль за уплатой страховых взносов, судебные расходы в виде уплаченной при обращении в суд государственной пошлины возмещаются в полном объеме.

Территориальным управлением Пенсионного фонда Российской Федерации (далее - фонд) принято решение, которым общество привлечено к ответственности в виде штрафа за несоблюдение положений Федерального закона от 24 июля 2009 г. N 212-ФЗ "О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования".

Суды трех инстанций, признавая частично недействительным решение фонда по заявлению общества установили обстоятельства, смягчающие ответственность за совершение рассматриваемого правонарушения, в связи с чем пришли к выводу о необходимости уменьшения штрафа, наложенного на общество, и признании в связи с этим недействительным решения фонда. В связи с удовлетворением требований общества суды также взыскали в пользу общества судебные расходы по уплате государственной пошлины.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело по кассационной жалобе фонда, не согласного с взысканием государственной пошлины, оставила судебные акты без изменения, указав следующее.

На основании ч. 1 ст. 110 АПК РФ судебные расходы, понесенные лицами, участвующими в деле, в пользу которых принят судебный акт, взыскиваются арбитражным судом со стороны. В случае, если иск удовлетворен частично, судебные расходы относятся на лиц, участвующих в деле, пропорционально размеру удовлетворенных исковых требований.

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2017 г. N 20-П разъяснено, что возмещение судебных расходов осуществляется той стороне, в пользу которой вынесено решение суда, и на основании того судебного акта, которым спор разрешен по существу; при этом процессуальное законодательство исходит из того, что критерием присуждения судебных расходов является вывод суда о правомерности или неправомерности заявленного истцом требования; данный вывод, в свою очередь,

непосредственно связан с содержащимся в резолютивной части судебного решения выводом о том, подлежит ли иск удовлетворению, поскольку только удовлетворение судом требования подтверждает правомерность принудительной реализации его через суд и влечет восстановление нарушенных прав и свобод, что в силу ст. 19 (ч. 1) и ст. 46 (чч. 1 и 2) Конституции Российской Федерации и приводит к необходимости возмещения судебных расходов.

Как следует из п. 19 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 июля 2014 г. N 46 "О применении законодательства о государственной пошлине при рассмотрении дел в арбитражных судах", законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах не предусмотрено освобождение надлежащего ответчика от обязанности по возмещению судебных расходов по уплате государственной пошлины в связи с тем, что он не наделен полномочиями самостоятельно (в отсутствие правового акта иного лица, органа власти, в том числе суда) совершить действия, позволяющие истцу реализовать свои права, законные интересы, о защите которых он обратился в суд.

Таким образом, в случае признания обоснованным полностью или частично заявления об оспаривании ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц судебные расходы подлежат возмещению соответственно этим органом в полном размере.

Определение N 302-КГ17-4293

43. Определение о взыскании судебных расходов, понесенных в том числе в рамках участия в корпоративном споре, может быть обжаловано в суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения.

Определением суда первой инстанции от 29 ноября 2016 г. с истца в пользу третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора, взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя по спору о признании недействительным решения собрания товарищества собственников жилья.

Истец 29 декабря 2016 г. обратился в суд апелляционной инстанции с жалобой на указанное определение.

Определением суда апелляционной инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, апелляционная жалоба возвращена истцу на основании ч. 1 ст. 225.9 АПК РФ. Суды пришли к выводу, что срок на обжалование определения о взыскании судебных расходов истек 13 декабря 2016 г.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила определение суда апелляционной инстанции и постановление арбитражного суда округа и направила дело в суд апелляционной инстанции для решения вопроса о принятии апелляционной жалобы к производству по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 1 ст. 225.9 АПК РФ определения арбитражного суда, выносимые при рассмотрении дел по корпоративным спорам, обжалуются по правилам, установленным ст. 188 АПК РФ. Жалобы на такие определения, за исключением определений о прекращении производства по делу и об оставлении заявления без рассмотрения, подаются в арбитражный суд апелляционной инстанции в течение десяти дней со дня их вынесения. Вместе с тем установленной названной специальной нормой порядок исчисления срока обжалования не подлежит применению к определению о судебных расходах, вопрос о распределении которых рассматривается по общим правилам гл. 9 АПК РФ вне зависимости от категории спора.

Абзац четвертый ч. 2 ст. 112 АПК РФ не содержит указания на особый порядок обжалования определения о взыскании судебных расходов, в связи с чем следует руководствоваться общими положениями об обжаловании определений арбитражного суда, установленными ст. 188 АПК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 188 АПК РФ жалоба на определение арбитражного суда первой инстанции может быть подана в арбитражный суд апелляционной инстанции в срок, не превышающий месяца со дня вынесения определения, если иные порядок и срок не установлены данным кодексом.

44. При пересмотре дела по новым обстоятельствам и принятии определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта шестимесячный срок, установленный ст. 112 АПК РФ, исчисляется со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, а не со дня вступления в силу определения о повороте исполнения вынесенного ранее судебного акта.

Решением суда первой инстанции от 3 февраля 2010 г., оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции от 25 мая 2010 г., удовлетворен иск физического лица к обществу.

Определением суда первой инстанции от 21 октября 2010 г. с общества в пользу физического лица взысканы судебные расходы на оплату услуг представителя.

Решением суда первой инстанции от 11 апреля 2014 г. удовлетворено заявление общества о пересмотре по новым обстоятельствам вступивших в законную силу решения от 3 февраля 2010 г. и постановления от 25 мая 2010 г.

Решением суда первой инстанции от 29 мая 2014 г. в удовлетворении требований физического лица к обществу отказано. Определением от 7 ноября 2014 г. произведен поворот исполнения решения от 3 февраля 2010 г. и определения от 21 октября 2010 г.

Общество 7 мая 2015 г. обратилось в арбитражный суд с заявлением к физическому лицу о взыскании судебных расходов на оплату услуг представителя, часть из которых состояла в судебных расходах, понесенных обществом при рассмотрении дела по существу, а часть - в связи с рассмотрением заявления о повороте исполнения судебного акта.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлениями суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, заявление общества удовлетворено.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты в части взыскания с физического лица судебных расходов, понесенных в связи с рассмотрением дела по существу, и в указанной части направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 2 ст. 112 АПК РФ заявление по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде первой, апелляционной, кассационной инстанций, рассмотрением дела в порядке надзора, не разрешенному при рассмотрении дела в соответствующем суде, может быть подано в арбитражный суд, рассматривавший дело в качестве суда первой инстанции, в течение шести месяцев со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу.

В п. 30 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 февраля 2011 г. N 12 "О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в редакции Федерального закона от 27 июля 2010 г. N 228-ФЗ "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" (далее - постановление N 12) разъяснено, что последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, для целей исчисления шестимесячного срока следует считать по общему правилу (ст. 15, 167, 271, 289 АПК РФ) решение суда первой инстанции или постановление суда апелляционной инстанции, если соответствующий судебный акт не был предметом рассмотрения суда вышестоящей инстанции, либо постановление суда кассационной инстанции, принятое по результатам рассмотрения жалобы на такие судебные акты.

Таким образом, в рассматриваемом случае последним судебным актом, принятием которого закончилось рассмотрение дела по существу, следует считать решение суда первой инстанции от 29 мая 2014 г., вступившее в законную силу в соответствии с ч. 1 ст. 180 АПК РФ 30 июня 2014 г. (с учетом выходных дней). Следовательно, шестимесячный срок на подачу заявления о взыскании судебных расходов, понесенных при рассмотрении дела по существу, истек 30 декабря 2014 г. Общество обратилось с заявлением 7 мая 2015 г. (согласно штампу канцелярии суда на заявлении), то есть за пределами установленного срока.

Согласно разъяснениям, приведенным в п. 32 постановления N 12, в случае пропуска шестимесячного срока, предусмотренного ч. 2 ст. 112 АПК РФ, заинтересованное лицо вправе обратиться в арбитражный суд с ходатайством о восстановлении срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах, понесенных в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде, в соответствии с ч. 3 ст. 117 АПК РФ. Если факт пропуска срока на подачу заявления по вопросу о судебных расходах установлен после его принятия к производству, суд выясняет причины пропуска срока. Признав причины пропуска срока уважительными, суд продолжает рассмотрение заявления, а в ином случае прекращает производство по заявлению применительно к п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ.

Определение N 310-ЭС16-6569

45. Споры, возникающие из договоров, предполагающих расходование бюджетных средств, по общему правилу являются неарбитрабельными, а третейские соглашения о передаче подобных споров в третейские суды - недействительными. Исключение составляют случаи, в которых заключение третейского соглашения обеспечивает более значимый общественный интерес.

Открытым акционерным обществом "Особые экономические зоны" (далее - общество) и открытым акционерным обществом "Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы" (далее - компания) заключен договор об осуществлении технологического присоединения энергетических установок общества, находящихся на территории особой экономической зоны. Сторонами согласована третейская оговорка.

Общество обратилось в третейский суд с заявлением к фирме о признании недействительным дополнительного соглашения к указанному договору и применении последствий недействительности ничтожной сделки.

Решением третейского суда в удовлетворении заявленных требований отказано.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением об отмене решения третейского суда.

При новом рассмотрении дела определением суда первой инстанции заявление общества удовлетворено.

Постановлением арбитражного суда округа определение суда первой инстанции отменено, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила постановление арбитражного суда округа и оставила в силе определение суда первой инстанции по следующим основаниям.

Договор между сторонами заключался в процессе деятельности государства по созданию в Российской Федерации особых экономических зон.

Согласно ст. 2 Федерального закона от 22 июля 2005 г. N 116-ФЗ "Об особых экономических зонах в Российской Федерации" (далее - Закон N 116-ФЗ) особая экономическая зона - определяемая Правительством Российской Федерации часть территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности.

В соответствии со ст. 7, 8 Закона N 116-ФЗ управление особыми экономическими зонами возлагается на федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, в том числе функции государственного заказчика по подготовке документации по планировке территории в границах особой экономической зоны и созданию инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иных инфраструктур этой зоны за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета, если иное не установлено законодательством Российской Федерации, а также получать технические условия подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения и осуществлять передачу этих условий индивидуальным предпринимателям, юридическим лицам, осуществляющим строительство или реконструкцию.

Органы управления особыми экономическими зонами для выполнения своих функций по созданию за

счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами вправе привлекать акционерное общество, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющую компанию в порядке, устанавливаемом федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным осуществлять функции по нормативно-правовому регулированию в сфере создания и функционирования особых экономических зон.

Порядок привлечения к выполнению функций федерального органа исполнительной власти, уполномоченного осуществлять функции по управлению особыми экономическими зонами, утвержден Приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 4 августа 2006 г. N 217 "О порядке привлечения органами управления особыми экономическими зонами акционерного общества, сто процентов акций которого принадлежит Российской Федерации, или управляющей компании для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами" (далее - приказ N 217).

Согласно абзацу первому п. 2 приказа N 217 акционерным обществом, сто процентов акций которого принадлежат Российской Федерации, является созданное в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2006 г. N 211 "О преобразовании федерального государственного предприятия "Внешнеэкономическое объединение "Внешстройимпорт" в открытое акционерное общество "Особые экономические зоны" ОАО "ОЭЗ".

В соответствии с абзацем вторым п. 2 приказа N 217 для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особой экономической зоны и на прилегающей к ней территории, и управлению этими и ранее созданными объектами в качестве управляющей компании привлекается создаваемое с участием уполномоченного органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации дочернее акционерное общество.

Генеральное соглашение, предусматривающее привлечение общества для выполнения функций по созданию за счет средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации, местного бюджета объектов недвижимости, расположенных в границах особых экономических зон и на прилегающей к ним территорий, и управлению этими и ранее созданными объектами было заключено между Федеральным агентством по управлению особыми экономическими зонами и обществом 6 марта 2008 г.

Согласно п. 4.2 Генерального соглашения на общество возложены функции по заключению договоров на технологическое присоединение к сетям инженерно-технического обеспечения с организациями, осуществляющими эксплуатацию сетей инженерно-технологического обеспечения.

Таким образом, общество является лицом, наделенным обязанностями по осуществлению части функций федерального органа исполнительной власти, то есть выполняет публичные функции, свойственные органу государственной власти.

Реализуя свои функции и заключая договор с компанией, общество стремилось к удовлетворению государственных и муниципальных потребностей в создании объектов недвижимости и инженерной инфраструктуры на территории особых экономических зон, при этом финансирование этих потребностей осуществлялось за счет бюджетных средств.

Указанные признаки, а именно - расходование бюджетных средств в целях удовлетворения публичного интереса (в данном случае по созданию в государстве особых экономических зон) - характеризуют такие отношения как отношения с публичным элементом и влекут повышенный публичный (общественный) контроль за такими отношениями.

Следовательно, контракты, предполагающие удовлетворение публичных интересов за счет бюджетных средств, если законом не установлено иное, в целях обеспечения иного публично-значимого интереса, должны не только заключаться, но и исполняться с соблюдением принципов открытости и прозрачности, обеспечения конкуренции, профессионализма заказчиков и исполнителей, предотвращения и

противодействия коррупции, ответственности за результативность и эффективность реализации вложенных бюджетных средств. Поэтому все этапы указанных правоотношений, включая заключение, исполнение, расторжение договоров и применение ответственности за их неисполнение или ненадлежащее исполнение, должны быть полностью прозрачны и доступны для проверочных мероприятий вплоть до их завершения, в том числе посредством разрешения споров системой государственного правосудия.

Принципы третейского разбирательства (конфиденциальность, закрытость процесса, неформальный характер разбирательства, упрощенный порядок сбора и представления доказательств, отсутствие информации о принятых решениях, а также невозможность их проверки и пересмотра по существу) не позволяют обеспечить цели публичного (общественного) контроля за такими отношениями, а значит - интересы публичного порядка.

Определение N 305-ЭС15-20073

46. При рассмотрении заявления о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений в государственный суд представляется арбитражное соглашение либо его надлежащим образом заверенная копия.

Иностранная компания обратилась в арбитражный суд с заявлением о признании и приведении в исполнение решений арбитража *ad hoc* в составе трех арбитров, состоявшегося в Лондоне (Великобритания), по искам компании к российскому обществу.

Определением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением арбитражного суда округа, заявленные требования удовлетворены.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по следующим основаниям.

В силу подп. "b" п. 2 ст. V Конвенции Организации Объединенных Наций признанию и приведению в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г., п. 7 ч. 1 ст. 244 АПК РФ компетентный суд вправе отказать в признании и приведении в исполнение арбитражного решения, если такое признание и приведение в исполнение противоречит публичному порядку страны суда.

Под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверхимперативными нормами законодательства Российской Федерации, если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц (п. 1 Обзора практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений, утвержденного Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации 26 февраля 2013 г., N 156).

Элементом публичного порядка является, в том числе, право каждого на суд и возможность ограничить это право по собственной воле путем обращения к альтернативным способам разрешения споров, в том числе в международный коммерческий арбитраж.

В связи с этим при признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных решений, выдаче исполнительных листов на решения внутренних третейских судов государственный суд проверяет среди прочего, не нарушит ли исполнение решения арбитража (третейского суда) публичный порядок в части одного из фундаментальных прав участников спора - права на суд. С этой целью государственный суд оценивает, имело ли место волеизъявление сторон на отказ от реализации права на суд в государственном суде и было ли такое волеизъявление свободным (отсутствие пороков воли). В целях проверки указанного основания в государственный суд представляется подлинное соглашение о третейском разбирательстве (арбитражное соглашение) или его надлежащим образом заверенная копия (п. 2 ч. 4 ст. 242 АПК РФ).

Кроме того, при принудительном исполнении арбитражного (третейского) решения по инициативе стороны разбирательства государственный суд может отказать в принудительном исполнении арбитражного

(третейского) решения, если решение вынесено по спору, не предусмотренному арбитражным соглашением либо не подпадающему под его условия, или содержит постановления по вопросам, выходящим за пределы арбитражного (третейского) соглашения (ч. 3 ст. 244 АПК РФ, подп. 1 п. 1 ст. 36 Закона Российской Федерации от 7 июня 1993 г. N 5338-1 "О международном коммерческом арбитраже").

В целях проверки указанного основания представление в государственный суд подлинного арбитражного (третейского) соглашения или его надлежащим образом заверенной копии также является обязательным.

Общество указывало, что не заключало арбитражных соглашений с компанией, следовательно, разрешение споров в арбитраже не предусмотрено соглашением сторон. Соответственно, указанное основание отказа в признании и принудительном исполнении иностранного арбитражного (третейского) решения также подлежало проверке.

Таким образом, в целях проверки вышеуказанных оснований отказа в признании и принудительном исполнении иностранных арбитражных (третейских) решений арбитражный суд Российской Федерации должен был оценить соответствующие арбитражные соглашения, однако не проверил данные основания. Подлинные арбитражные соглашения или их надлежащим образом заверенные копии, на основании которых государственный суд мог бы сделать обоснованные выводы по указанным основаниям принудительного исполнения арбитражных (третейских) решений, в материалах дела отсутствуют, на обозрение суду не представлялись.

Определение N 305-ЭС17-993

47. Судебный пристав-исполнитель не вправе в рамках исполнительного производства выносить постановления, касающиеся собственности третьих лиц в смысле ст. 1 Протокола N 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

В рамках исполнительного производства судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в том числе было указано, что общество как кредитор фирмы (должника) может исполнять требования фирмы только путем перечисления денежных средств на счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

В материалах исполнительного производства содержались документы, указывающие на то, что платежными поручениями общество в счет исполнения обязательств по контракту осуществило перечисление на счета фирмы денежных средств.

Посчитав, что указанные действия совершены обществом в нарушение требований постановления, судебным приставом-исполнителем вынесено постановление, в котором в частности определено: 1) обратить взыскание на принадлежащее должнику право требования надлежащего исполнения обязательств по оплате за фактически поставленные товары (дебиторскую задолженность) по контракту в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству; 2) объявить запрет должнику, обществу, на осуществление действий, приводящих к изменению, уменьшению размера имущественного права (дебиторской задолженности), совершение любых действий по передаче соответствующих прав третьим лицам, отчуждению имущественного права, подвергнутого аресту, проведение зачета встречных однородных требований, уменьшение имущественного права, подвергнутого аресту, при исполнении условий контракта, в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству; 3) обязать общество до момента реализации права требования осуществлять перечисление денежных средств в счет исполнения обязательств по контракту в пределах остатка суммы задолженности должника по исполнительному производству на депозитный счет управления Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации.

Общество обратилось в арбитражный суд с заявлением о признании данного постановления незаконным.

Решением суда первой инстанции, оставленным без изменения постановлением суда апелляционной инстанции и арбитражного суда округа, в удовлетворении заявления общества отказано.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила названные судебные акты и удовлетворила требование общества по следующим основаниям.

Согласно ст. 83 Федерального закона от 2 октября 2007 г. N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (далее - Закон об исполнительном производстве) арест дебиторской задолженности состоит в объявлении запрета на совершение должником и дебитором любых действий, приводящих к изменению либо прекращению правоотношений, на основании которых возникла дебиторская задолженность, а также на уступку права требования третьим лицам. О наложении ареста на дебиторскую задолженность судебный пристав-исполнитель выносит постановление и составляет акт, в котором указывает перечень документов, подтверждающих наличие дебиторской задолженности. В случае необходимости производятся изъятие указанных документов и передача их на хранение.

Указанная норма направлена на защиту прав и интересов взыскателя в рамках исполнительного производства.

Однако, реализуя свои полномочия, судебный пристав-исполнитель не должен осуществлять действия, нарушающие основные принципы законодательства Российской Федерации и способные нанести имущественный вред третьим лицам.

Меры, принятые приставом-исполнителем в соответствии с оспариваемым постановлением, направлены на обеспечение имущественной задолженности фирмы (должника) перед компанией. Следовательно, такие требования могут быть обеспечены исключительно за счет имущества должника. К имуществу должника может быть отнесено среди прочего и имущество, которое еще не поступило в фактическое владение должника, но причитается ему на каком-либо правовом основании. В частности, к имуществу должника могут быть отнесены права требования должника в отношении третьих лиц, однако если исполненное по данному требованию не будет составлять неосновательное обогащение должника.

В настоящем случае должник и общество (третье лицо) связаны встречными обязательствами по договору купли-продажи. В соответствии с данным договором право требования у кредитора оплаты поставленной продукции возникает исключительно после встречного предоставления со стороны контрагента.

Согласно п. 1 ст. 408 ГК РФ обязательство прекращается в результате надлежащего исполнения. Пункт 1 ст. 328 ГК РФ устанавливает, что встречным признается исполнение обязательства одной из сторон, которое обусловлено исполнением другой стороной своих обязательств. В соответствии с п. 1 ст. 486 ГК РФ покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено ГК РФ, другим законом, иными правовыми актами или договором купли-продажи и не вытекает из существа обязательства.

Таким образом, исполнение фирмой обязанности по поставке товара явилось бы встречным исполнением к исполнению обществом обязательств по оплате товара. Платеж со стороны общества согласно условиям договора носил характер авансового платежа, встречное предоставление от фирмы ко времени вынесения приставом оспариваемого постановления общество не получило.

Следовательно, в данном случае оспариваемое постановление пристава касалось имущества, принадлежащего третьему лицу и не поступившему в собственность должника в смысле ст. 1 Протокола N 1 от 20 марта 1952 г. к Конвенции о защите прав человека и основных свободах (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) и ст. 35 Конституции Российской Федерации.

При таких обстоятельствах у судебного пристава отсутствовали правовые основания для вынесения оспариваемого постановления. Принятие постановления привело к нарушению права собственности третьих лиц, следовательно, постановление является незаконным.

Определение N 305-КГ17-5770